

ПЕВИЦА ГРАНИЦ СТАНЦИИ ВЕЧНОЙ ЗИМЫ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланаова

**Певица границ
станции вечной зимы**

«Автор»

2026

Светланова М.

Певица границ станции вечной зимы / М. Светланова — «Автор»,
2026

На орбитальной станции Морена человеческие сны превращаются в тепло, а голос Яры Соль удерживает границы между мирами. Когда инженер Тейн Ардо получает приказ экономить ресурс за счёт жителей внешних колец, привычная система спасения обнаруживает свою настоящую цену: добровольное согласие давно подменяют страхом, долгом и чужими решениями. Яре предстоит выбрать между ролью незаменимой певицы и правом каждого человека распоряжаться собственным внутренним миром. Чтобы провести станцию через ледяное облако, ей и Тейну придётся не только противостоять начальнице Морены, но и изменить правила, которым они сами привыкли служить. Атмосферная космическая фантастика о границах, ответственности и любви, которая начинается с вопроса, а не с требования.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Песня на шве	6
Глава 2. Инженер с приказом	10
Глава 3. Сон по квитанции	17
Глава 4. Три минуты тепла	24
Глава 5. Голоса внешнего кольца	29
Глава 6. Нейтральная цифра	35
Глава 7. Комната без эха	43
Глава 8. Карта чужой ночи	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мара Светланова

Певица границ станции вечной зимы

От автора

Эта история начинается с простой, но неудобной мысли: общий ресурс остаётся общим лишь до тех пор, пока каждый человек вправе сказать «нет». На станции Морена тепло рождается из снов, и потому цена безопасности измеряется не только энергией, но и доверием.

Перед вами роман о взрослых людях, которые умеют спасать сложные системы, но не сразу умеют замечать границы друг друга. Фантастический механизм здесь тесно связан с профессиональными решениями, дружбой, ответственностью и любовью. Ни одно чувство не отменяет последствий, а надежда появляется не как подарок, а как результат совместной работы.

Книгу лучше читать по порядку: события охватывают три недели, и каждое решение меняет возможности следующего. Короткие протоколы сновидений показывают не чужую тайну, а то, как жители учатся договариваться о добровольном вкладе.

Глава 1. Песня на шве

За двадцать три минуты до рассветного цикла стена запела раньше Яры.

Звук был едва различим — тонкая стеклянная нить под обычным гулом вентиляции. Большинство жителей Морены приняли бы его за усталость металла. Яра Соль услышала в нём лишнюю ноту и остановилась посреди перехода, не дойдя трёх шагов до акустической площадки.

На прозрачном участке обшивки лежало ледяное облако. Оно не клубилось и не плыло: казалось, станция замерла перед белой равниной, уходящей во все стороны сразу. По стеклу бежали янтарные служебные метки, но между двумя линиями проступила третья — серебряная, которой не было на схеме.

Яра прижала большой палец к указательному и отбила четыре доли. На четвёртой переход стал длиннее.

Не namного. Дверь площадки отдалилась на ширину ладони, зато аварийный шкаф раздвоился: один остался красным, другой оказался голубым и покрытым инеем. В голубом отражалась девочка в жёлтых носках. Она сидела на полу там, где в Ярином переходе никого не было, и собирала из медных колец маленькое солнце.

— Шов в седьмом переходе, — сказала Яра в браслет. — Пространственный сдвиг, визуальное наложение. Закрыть двери с обоих концов. Никого не впускать.

Дежурный ответил не сразу:

— Гранистка Соль, датчики чистые.

Голубой шкаф мигнул. Девочка подняла голову.

— Они будут чистыми ещё секунд сорок. Закрывайте.

Яра шагнула на площадку и впечатала ладонь в панель допуска. Створка за спиной сошлась. Вторая дрогнула, почти подчинилась, но между её половинами просунулась рука в рабочей перчатке.

— Уберите руку! — крикнула Яра.

В переход боком втиснулся техник с контейнером фильтров. Увидев раздвоенный шкаф, он застыл.

— Это что?..

— На пол. Контейнер отпустите.

Техник послушался только наполовину: присел, продолжая стискивать рукоять. Яра не стала спорить. Серебряная линия на стекле уже выгнулась дугой. Девочка по ту сторону поднялась и подошла ближе, прижимая к груди медное солнце.

Яра открыла голосовой контур.

Кожа под воротом кольнула холодом: контактные лепестки считали пульс и дыхание. На стекле вспыхнула шкала доступного тепла. Семьдесят две единицы — достаточно для малого шва, если сеть не лжёт. Яра взяла нижнее «а», нашла дрожание под рёбрами и медленно повела ноту вверх.

Песня не могла закрыть чужой мир. Она могла лишь напомнить Морене её собственный рисунок: длину перехода, массу шкафа, температуру стекла, количество людей внутри. Теплового контур подхватывал голос и раскладывал отданную сновидцами энергию по стенам. Там, где рисунок совпадал с материей, станция оставалась собой.

Обычно сопротивление ощущалось как встречный ветер. Сейчас из серебряной линии пахло тёплым молоком и нагретой медью.

В её песне появился чужой сон.

Яра сбилась на полтона.

Голубой шкаф распахнулся. За ним была не полка с масками, а тесная кухня, залитая золотым светом. Девочка стояла у порога. На столе дымилось молоко, хотя Яра не видела пара — она помнила его кожей. Чьи-то ладони месили тесто. Невидимая женщина напевала три простые ноты, и третья каждый раз падала ниже, словно засыпала.

Техник пополз к шкафу.

— Мама, — выдохнул он.

Яра оборвала песню, ударила по аварийному глушителю и поймала мужчину за ремень. Воздух качнулся. Контейнер вырвался из его рук и покатился к голубой дверце.

— Смотрите на меня, — приказала она.

— Там мой дом.

— Нет. Там сон, попавший в шов. Назовите своё имя.

— Лио.

— Где вы сейчас, Лио?

Он смотрел мимо неё. Контейнер пересёк серебряную линию и исчез без звука. Из кухни донёсся металлический стук, будто он упал на плиточный пол.

— На Морене, — сказал техник наконец.

— Какая температура у вас под ладонью?

Он опустил руку на настил.

— Холодно.

— Вот это правда. Держите её.

Яра снова открыла контур. Семьдесят две единицы превратились в шестьдесят одну. Потеря была слишком большой для короткой паузы. Она запросила резерв внешнего кольца, получила подтверждение и увидела на краю шкалы знак согласия: зелёный круг, срок вклада, медицинский допуск. Всё выглядело правильно.

Она запела от нижней опоры, не отвечая трём нотам из кухни. Чужой сон тянулся к её мелодии, предлагал готовое тепло, запах, возвращение. Яра выстроила рядом сухую последовательность: восемь шагов от двери до площадки, двенадцать креплений в раме, один живой человек на полу, одна певица у стекла. Простые факты держали лучше воспоминаний.

Серебряная дуга сузилась.

В наушнике заговорил дежурный:

— Соль, по нашим данным расход превышен. Снижайте амплитуду.

Она не могла ответить словами, не разрушив рисунок. Дважды стукнула каблуком — отказ. Протокол требовал принять её решение. Вместо этого контур сам убрал четыре единицы.

Стены покрылись инеем.

Лио вскрикнул. Иней обжег его перчатку и поднялся к локтю. Яра шагнула между ним и швом, расширила грудную клетку через боль и добавила к основной ноте обертон. Верхний регистр отозвался иглой в правом ухе.

Зелёный круг согласия мигнул.

На одно мгновение вместо номера донора Яра увидела имя: Нима Тар, внешнее кольцо, сектор двенадцать. Потом поле закрылось служебной маской. Под сроком вклада стояло «шесть часов», но линия начала сеанса уходила в прошлые сутки.

Это была не ошибка шва. Кто-то продлил отдачу без нового согласия.

Яра удержала ноту. Семьдесят два крепления, поправила она мысленно. Не двенадцать. Она знала переход до последнего болта, однако чужой сон пытался заменить знание уютом. В кухне женщина поставила на стол чашку. Девочка протянула Яре медное солнце.

Если взять предложенную гармонию, шов закрылся бы быстрее. Так всегда говорили старшие гранисты: не спорь со сном, используй его образ. Но сейчас образ был украден. Принять его означало встроить насилие в рисунок станции и назвать это спасением.

Яра опустила мелодию на неудобную квартиру.

Тепло ушло из кухни. Золотой свет побледнел. Женское пение сорвалось, девочка прижала солнце к груди, и на её лице проступил такой взрослый страх, что Лио снова рванулся вперёд.

— Не бросайте её!

Яра свободной рукой показала ему: стой.

Нота стала шероховатой. Яра повела контур не через содержание сна, а через его границу — право спящего не пускать чужих внутрь. Она не знала, сработает ли это. На занятиях граница считалась помехой, оболочкой, которую полагалось снять перед преобразованием. Но Нима Тар не соглашалась на этот сеанс. Значит, единственной честной частью её вклада оставался отказ.

Яра сделала отказ ритмом.

Нет — на вдохе. Нет — в короткой паузе. Нет — в расстоянии между основной нотой и обертоном.

Сеть дёрнулась, словно пыталась сбросить её голос. На шкале осталось сорок единиц. Потом тридцать восемь. Стекло под ладонью стало ледяным, а правое ухо наполнилось высоким звоном.

Зато кухня отступила.

Девочка исчезла первой. Медное солнце ещё мгновение висело в темноте, затем рассыпалось на кольца. Голубой шкаф наложился на красный. Переход сжался до привычной длины, и пропавший контейнер с грохотом упал из закрытого аварийного шкафа.

Яра завершила рисунок, опуская голос ступень за ступенью. Последнюю ноту она почти не услышала.

На панели загорелось: «Шов согласован. Геометрия стабильна».

Лио сидел у стены, обхватив обмороженную руку. Яра закрыла контур и только тогда позволила себе согнуться. Мир не закачался, но изменился его звук. Вентиляция слева шумела, справа — будто находилась за толстой дверью.

— Вы ранены? — спросил Лио.

Она щёлкнула пальцами возле правого уха. Щелчок получился далёким и плоским.

— Медика сюда. И никому не открывать шкаф.

— Но там мой контейнер.

— Теперь это вещественное доказательство.

Дверь разблокировалась. Первой вошла Сена Вир с серым медицинским футляром, за ней — двое аварийных техников. Сена не спросила, что случилось. Посадила Яру на пол, приложила к её шее датчик и подняла палец справа от лица.

— Слышишь трение?

Она потёрла подушечками пальцев.

— Почти нет.

— А слева?

— Слишком хорошо.

— Это не шутка.

— Я и не шутила.

Сена включила узкий звуковой тест. Ноты шли снизу вверх. На середине Яра подняла руку: дальше прибор молчал. По выражению лица подруги она поняла, что он продолжает работать.

— Верхний диапазон справа выпал, — сказала Сена. — Контур закрыт для тебя минимум на двенадцать часов.

— Через четыре часа общий прогон.

— Был. Теперь не будет.

Аварийный техник у панели кашлянул:

— Начальница Мор запрашивает отчёт и спрашивает, почему вы изменили стандартную гармонию.

Яра поднялась слишком быстро. Сена ухватила её за рукав, но удерживать не стала.

— Потому что в потоке был сон без действующего согласия. Имя Нима Тар. Сектор двенадцать. Сеанс продлён со вчерашнего дня.

Техник посмотрел на экран.

— Здесь всё зелёное.

— Поэтому вы сейчас сохраните полный журнал, а не итоговую отметку.

— У меня нет допуска.

— У меня есть.

Яра приложила ладонь к панели. Та ответила красной полосой: голосовой контур заблокирован по медицинскому решению, вместе с ним приостановлен и доступ гранистки к журналам.

Сена тихо выругалась.

— Очень удобная забота о здоровье.

— Мой терминал в акустической, — сказала Яра. — Там локальная копия.

— Сначала обследование.

— Сначала копия. Потом можешь запереть меня в своей белой коробке.

— Не обещай того, чего не выполнишь.

Яра посмотрела на раздвоившийся недавно шкаф. Красная дверца была закрыта, но изнутри трижды донёсся тихий стук.

Все в переходе замолчали.

Стук повторился: две быстрые доли, одна медленная. Ритм той самой колыбельной.

Яра больше не слышала его правым ухом. Она чувствовала его подошвами.

— Коридор оставить закрытым, — сказала она. — Систему сна не перезапускать. Найдите Ниму Тар и убедитесь, что она проснулась.

Дежурный отозвался через динамик:

— Гранистка Соль, поступил приоритетный приказ управления. Резервирование не останавливать. До прохода через сердце облака двадцать один день.

Яра отбила большим пальцем четыре доли. На четвёртой стена ответила чужим сердцебиением.

— Тогда передайте Реве Мор, — сказала она, — что у нас не резерв. У нас человек, которому не дали проснуться.

Глава 2. Инженер с приказом

Морена встретила Тейна Ардо не холодом, а неправильным теплом.

В переходном рукаве между курьером и станцией воздух был сухим, перегретым и пах нагретой изоляцией. На внутренней стороне иллюминатора ледяное облако казалось неподвижной белой стеной, хотя цифры на дорожном терминале показывали скорость, от которой в голове делалось пусто. Через двадцать один день Морена должна была войти в сердце облака. До этого срока инженерная модель обещала запас в девять процентов. Местная телеметрия — четыре целых и две десятых.

Тейн расстегнул воротник формы и снова открыл расчёт. Цифры не изменились.

— Стыковка завершена, — объявил рукав. — Добро пожаловать на станцию Морена. Температурный режим перехода ограничен.

Ограничен он был своеобразно: решётка под потолком выдыхала горячий воздух, а пол тянул тепло сквозь подошвы. Два компенсатора работали друг против друга. Тейн отметил неисправность в планшете, но отправлять запись не стал. Первые десять минут на чужом объекте полезнее молчать. Люди охотно объясняют то, чего ещё не успели от них потребовать.

У гермодвери его ждала начальница станции.

Рева Мор оказалась ниже, чем на служебной фотографии, и заметно старше. Серебряные пряди она не прятала, форму носила без единой мягкой складки. На запястье светилась красная полоса приоритетного допуска.

— Инженер Ардо. Ваш курьер опоздал на сорок три минуты.

— Облако закрыло прямой коридор.

— Облако через три недели закроет всё. Поэтому сорок три минуты имеют значение.

Она не предложила ему отдохнуть после перелёта и этим сэкономила им обоим время.

Они пошли по центральной галерее. Здесь было достаточно тепло, чтобы люди оставляли куртки расстёгнутыми. Над торговой линией горели лишние световые ленты. В витрине пустого кафе работал нагреватель посуды. Тейн видел мелкие потери одну за другой и складывал их мысленно, пока сумма не стала раздражать.

— Центральное кольцо потребляет на шесть процентов выше зимней нормы, — сказал он.

— На три. Остальное — компенсация швов.

— В присланной мне схеме компенсация входит в отдельный контур.

Рева не замедлила шага.

— Значит, вам прислали старую схему.

Это было первое объяснение, которого он ждал, и оно оказалось слишком удобным.

У лифта толпились люди с термосами и свёрнутыми одеялами. Индикатор внешних колец мигал жёлтым. Когда створки открылись, из кабины пахнуло холодной шерстью. Женщина с ребёнком пропустила Реву, но перед Тейном задержалась, разглядывая знак инженерного управления на его воротнике.

— Вы из центра? — спросила она.

— Да.

— Тогда скажите им, что в четырнадцатом опять тёплые стены и ледяные комнаты.

Тейн записал сектор.

— Проверю распределение.

— Все проверяют распределение. Вы проверьте, куда оно девается.

Рева нажала кнопку служебного уровня. Створки закрылись, отрезая женщину и ребёнка.

— Жители внешнего кольца считают центральное управление разновидностью погоды, — сказала начальница. — Ругают одинаково охотно.

— Погода не ведёт журналов.

— На Морене и журналы иногда похожи на погоду.

Лифт пошёл вниз. На схеме станции центральное кольцо располагалось не выше внешних, но тело всё равно воспринимало движение как спуск: температура падала на каждом уровне. Тейн приложил ладонь к стене. Под панелью дрожала труба обратного хода.

— Несведённые потоки, — сказал он.

— Поэтому вы здесь.

— Я здесь, потому что управление приняло мой план сокращения.

— Это одно и то же, пока план работает.

В диспетчерской было тише, чем должно быть в исправном машинном узле. Не гудели насосы, не щёлкали реле; все звуки поглощали серые панели. На центральном экране мерцала Морена в разрезе. Внешние кольца светились оранжевым, сердцевина — ровным золотым, а между ними тянулись тонкие серебряные дуги пограничных швов.

Тейну отвели левый сектор пульта. Он подключил личный вычислитель и предъявил мандат. Система потребовала голосовое подтверждение Ревы, затем отпечаток её ладони, затем на три секунды показала перечень закрытых областей. Тейн успел прочесть только две строки: медицинские вклады и необработанные журналы согласования.

— Для инженерного аудита мне нужны все потоки, — сказал он.

— Вам доступны энергетические эквиваленты.

— Эквивалент не покажет источник ошибки.

— Источник относится к врачебной тайне.

— Мне не нужны сны людей. Мне нужны время начала, срок, величина отбора и подтверждение согласия.

Рева посмотрела на него впервые с настоящим вниманием.

— Согласие не является теплотехнической величиной.

— Срок является. Если вклад нельзя прекратить в расчётный момент, моя модель неверна.

— Ваша модель предполагает исправную автоматику. Наша автоматика повреждена облаком.

— Тогда покажите повреждение.

Она чуть улыбнулась, словно он подтвердил известную ей черту характера.

— Работайте с тем, что открыто. К вечеру мне нужен порядок отключений.

Рева ушла, оставив на его панели красный прямоугольник приказа.

Тейн не открывал его ещё несколько минут. Сначала он построил карту фактических температур. Четырнадцатый сектор действительно получал достаточно: по подающей ветви шло восемнадцать условных единиц против необходимых пятнадцати. Возвращалось только девять. Потеря в шесть единиц могла означать разрыв изоляции, незаконный отвод или ошибку датчика. Но то же повторялось в двенадцатом, девятом и семнадцатом секторах. Чем дальше от центра, тем больше станция подавала и тем меньше люди получали.

На общей схеме это выглядело так, будто внешние кольца пожирают тепло.

Именно этот вывод лежал в основании его модели.

Тейн приблизил двенадцатый сектор. Ночной график был срезан ровной линией в момент планового окончания, однако расход после среза не падал ещё шесть часов. Он вызвал исходную телеметрию. Доступ запрещён.

Он запросил журнал клапанов. Доступ разрешён частично.

Клапан закрылся вовремя.

Тепло продолжало уходить.

Тейн снял очки, протёр переносицу и снова надел их, хотя линзы были чистыми. Неправильная цифра редко признаётся сразу. Сначала она маскируется под поломку соседней цифры.

— Вы тот самый экономист? — спросили за его спиной.

Дежурный техник поставил на край пульта кружку. Молодой, сутулый, левая рука в свежей термоперчатке. На нагрудной пластине значилось: Лио Нер, аварийная служба.

— Инженер тепловых контуров.

— Здесь это сейчас одно и то же.

Тейн развернул к нему схему.

— Почему после закрытия клапана двенадцатый сектор продолжает отдавать шесть единиц?

Лио посмотрел сначала на график, потом на дверь кабинета Ревы.

— Потому что это не тепло сектора.

— А что?

— Компенсация.

— Какого контура?

— Певческого.

— Он проходит по отдельной ветви.

— На схеме — да.

Тейн подождал продолжения. Лио грел здоровую руку о кружку, хотя в диспетчерской было двадцать два градуса.

— А физически?

— Физически всё давно проходит там, где ещё не лопнуло.

— Кто менял разводку?

— Спросите старших.

— Я спрашиваю техника, который её обслуживает.

Лио сжал обожжённую руку. Термоперчатка тихо хрустнула.

— Сегодня на седьмом переходе гранистка удержала шов. После этого шкаф раздвоился. Если бы она пела по схеме, меня бы сейчас собирали в двух коридорах. Запишите это в свою модель.

— Имя гранистки?

— Яра Соль. Она одна.

Последние два слова прозвучали не как справка, а как обвинение.

— Одна на смене?

— Одна на станции.

Лио забрал кружку и ушёл прежде, чем Тейн успел спросить о шестичасовом хвосте. На его месте остался круг влаги. Тейн вытер его рукавом и открыл штатное расписание. Строка певцов-гранистов действительно содержала одну действующую лицензию. Ещё две позиции были заморожены управлением как избыточные.

По его собственной рекомендации.

Он вернулся к карте и отделил физические трубы от учётных контуров. Это заняло два часа. Морена оказалась устроена не как схема, а как старая ткань после множества починок: каждая заплатка спасала разрыв и переносила натяжение на соседний участок. Внешние кольца не только получали тепло. Через них серебряные швы сбрасывали колебания в сеть согласования. Учёт записывал сброс как потребление жителей.

Но и этого было недостаточно, чтобы объяснить весь дефицит.

В восемнадцать ноль-ноль приказ Ревы раскрылся сам.

«До входа в сердце облака обеспечить резерв не менее двенадцати процентов. Разрешается последовательное ограничение внешних секторов с эвакуацией населения к центральному кольцу. Приоритет: центральное управление, медицинский блок, узел сна, певческий контур».

Под текстом стояла подпись инженерного совета и его прежний расчёт.

Тейн прочёл приказ дважды. Двенадцать процентов нельзя было получить выключением света в кафе и ремонтом обратных ветвей. Даже если устранить все видимые потери, оставалось семь. Семь означали жилые сектора.

Он составил первую последовательность: семнадцатый, четырнадцатый, девятый, двенадцатый. В каждом сначала сокращалась температура общих помещений, затем мастерских, затем жилых ячеек. Людей предполагалось переводить внутрь. На бумаге центральное кольцо вмещало всех.

Тейн добавил поправку на транспорт, санитарные зоны и семьи, которые откажутся уходить. Вместимость исчезла.

Он убрал поправку. Вместимость вернулась.

Так и рождаются удобные модели: не из лжи, а из вычеркнутого неудобства.

Дверь диспетчерской открылась. Вошла женщина в тёмном рабочем комбинезоне без верхней куртки. Шла она ровно, но правой рукой держалась за поручень. Рядом двигалась врач с серым футляром и выражением человека, заранее готового пресечь любую глупость.

Тейн узнал имя по штатному портрету.

Яра Соль выглядела не как единственная незаменимая специалистка станции, а как человек, которому не дали выспаться. Тёмные волосы были собраны кое-как, возле правого уха белел медицинский пластырь. Большой палец левой руки отбивал по бедру четыре доли.

— Мой терминал, — сказала она врачу.

Голос звучал негромко и шершаво.

— Копию заберёт Лио, — ответила та. — Ты не работаешь.

— Я не пою.

— Ты всегда сначала «не поёшь», потом держишь половину станции зубами.

Тейн поднялся.

— Гранистка Соль?

Яра остановилась и посмотрела на знак управления у него на воротнике.

— Если вы принесли замену, можете звать меня просто Яра.

— Я инженер Ардо. Замены нет.

— Тогда имя пока не заслужили.

Врач коротко прикрыла глаза, однако вмешиваться не стала.

— Мне нужно понять разводку певческого контура, — сказал Тейн. — Учёт приписывает его расход внешним секторам.

— Учёт много чего им приписывает.

— Почему контур не отделён физически?

— Потому что три года назад лопнула северная гребёнка. Потом восточная. Потом совет решил, что новую станцию дешевле нарисовать в отчёте, чем построить внутри старой.

— У вас есть актуальная схема?

— Была в моём терминале. Теперь мой доступ заблокирован медицинским решением.

Врач подняла футляр.

— И останется заблокирован ещё десять часов. Сена Вир.

— Мне не требуется её голосовой доступ. Только локальная копия.

— Терминал в акустической, — сказала Яра. — И он мой.

— Тогда вы можете передать копию технику.

— Могу. После того как вы покажете, что собираетесь отключать.

Тейн машинально закрыл проект последовательности, но Яра уже заметила названия секторов.

Её палец перестал отбивать ритм.

— Двенадцатый? — спросила она.

— Предварительный расчёт.

— Там сегодня нашли женщину, чей сон брали после окончания согласия.

— Мне сообщили о несогласованном вкладе. Я расследую тепловой хвост.

— Вы предлагаете отключить её дом за то, что станция украла у неё тепло.

— Я предлагаю ограничить сектор, который по доступным данным потребляет больше нормы.

— Доступные данные вам дала Рева Мор.

— Данные дала система.

— У системы тоже есть хозяева.

Сена коснулась локтя подруги. Не удержала — только напомнила о границе.

Тейн развернул экран обратно.

— Хорошо. Покажите, где именно мой расчёт неверен.

Яра подошла ближе, но не пересекла световую черту чужого рабочего места.

— Откройте двенадцатый. Наложите геометрию швов.

— Она уже наложена.

— Не итоговую. Живую, с фазой.

— У меня нет допуска.

— Вот и первая ошибка.

Тейн подавил раздражение. Оно не делало её неправой.

— Допустим. Что я увижу?

— После закрытия клапана отбор продолжился. Сеть повела его через шов, а компенсацию записала на сектор. Вы выключите отопление, отбор не прекратится. Просто у Нимы Тар станет холодно и во сне, и дома.

— Это утверждение или измерение?

— Это имя человека.

— Имя не заменяет величину.

— А величина не отменяет имя.

Несколько секунд они смотрели друг на друга через край пульта. Тейн привык, что спорящие с ним люди повышают голос, когда у них кончаются аргументы. Яра говорила всё тише. Её хрип не позволял тратить звук зря.

Он открыл запрос расширенного доступа и вписал основание: расхождение физического и учётного потоков, риск неэффективного отключения жилых секторов. Система отправила запрос Реве.

Ответ пришёл сразу: отказано.

— Вот и вторая, — сказала Яра.

— Это не ошибка модели. Это отсутствие данных.

— Для тех, кого вы отключите, разницы не будет.

Тейн снова посмотрел на приказ. Красный прямоугольник не требовал уверенности. Только исполнения.

— Если я не создам резерв, при входе в сердце облака замёрзнет вся станция.

— Если создадите его таким способом, часть станции замёрзнет раньше. А вы так и не узнаете, куда ушло тепло.

Сена вмешалась впервые:

— Ей нельзя здесь оставаться. У вас пять минут.

— Мне нужна копия схемы, — сказал Тейн.

- А мне нужен полный журнал по Ниме Тар, — ответила Яра.
- Медицинские сведения закрыты.
- Не содержание сна. Срок согласия и история продлений.
- Тейн узнал собственную формулировку, сказанную Реве утром.
- У меня тоже нет доступа.
- Тогда добудьте.
- Это условие обмена?
- Это две части одной поломки.

Он мог приказать изъять терминал. Мандат позволял забирать локальные инженерные данные при аварийной подготовке. Яра, видимо, знала это: подбородок у неё был поднят, плечи напряжены. Сена стояла рядом, не заслоняя её и не решая за неё.

Тейн закрыл приказ об изъятии, не успев его подтвердить.

- Передайте Лио физическую схему без записей снов. Я добьюсь журнала сроков.
- Сначала журнал.
- Вы мне не доверяете.
- Вы приехали отключать мой дом по чужой таблице.
- С этим спорить было невозможно. Тейн кивнул.
- До получения данных двенадцатый сектор останется в конце последовательности.
- Он вообще не должен быть в ней без проверки.
- Это всё, что я могу обещать сейчас.

Яра изучала его лицо, словно искала спрятанное условие. Потом снова начала отбивать большим пальцем четыре доли.

- Тогда это всё, что вы сейчас получите.
- Она повернулась к выходу. Сена задержалась.

— У неё выпал верхний диапазон справа, — негромко сказала врач. — Если вы заставите её снова войти в контур до окончания блока, можете потерять единственную гранистку не на смену, а навсегда.

- Я не собираюсь её заставлять.
- Здесь многие не собираются. Потом открывается шов, и намерения перестают что-либо значить.

Они ушли.

Тейн остался перед картой станции. За стеной серебряные дуги едва заметно дрожали, словно Морена дышала во сне. Он снял с последовательности двенадцатый сектор, затем вернул. Приказ требовал полный план, не красивый жест.

Вместо подтверждения он пометил все четыре отключения как условные и добавил обязательную сверку с физической схемой. Резерв упал до шести процентов. Система окрасила расчёт красным.

Тейн запросил у Ревы журнал сроков повторно. Отказ.

Он отправил запрос в медицинский блок. Отказ.

Тогда он построил разницу между закрытием клапанов и фактическим спадом потока по всем секторам за последние тридцать дней. Двенадцатый оказался не исключением. Шестичасовые, девятичасовые и суточные хвосты прятались по всему внешнему кольцу. Их суммарная мощность почти точно равнялась тем семи процентам, которых не хватало его плану.

Тейн медленно выпрямился.

Внешние кольца не расходовали лишнее тепло.

Кто-то продолжал брать его от их имени.

На экране появился вызов Ревы Мор.

- Инженер Ардо, порядок отключений готов?

Тейн посмотрел на четыре условные строки и на белую стену облака за узким окном диспетчерской.

— Нет, — сказал он. — Сначала мне нужна актуальная схема.

— У вас есть схема.

— У меня есть рисунок станции, которой больше не существует.

Пауза длилась ровно столько, чтобы стать предупреждением.

— К утру предоставьте исполнимый план, — произнесла Рева. — Морена не может позволить себе вашу академическую тщательность.

Связь оборвалась.

Тейн сохранил расчёт отдельно от служебной системы. Затем сделал ещё одну вещь, которой не было в мандате: создал локальный журнал отказов доступа и вписал туда имя Нимы Тар.

После полуночи температура в диспетчерской осталась прежней, но ему впервые стало по-настоящему холодно.

Глава 3. Сон по квитанции

Утром Морена выдала Яре голос обратно, но не вернула тишину.

Медицинская пластина у правого уха погасла ровно в восемь. Замок на голосовом контуре щёлкнул, открывая доступ к рабочим частотам, и в тот же миг стены палаты наполнились звуками, которых ночью будто не существовало: дрожанием вентиляционной решётки, сухим бегом теплоносителя, частым писком диагноста на запястье Сены. Левым ухом Яра слышала всё. Правым — только низкое, словно станцию накрыли толстым стеклом.

Она произнесла своё имя.

— Яра Соль.

На первом слове голос лёг ровно. На втором появился шорох.

— Ещё раз, — сказала Сена.

— Ты слышала.

— Я слышала упрямство. Мне нужна связка гласных.

Яра протянула их по шкале, не выходя выше разрешённой ноты. Диагност рисовал зелёную линию, пока она не поднялась к верхней границе. Там линия раздробилась на короткие иглы.

Сена остановила запись.

— Петь нельзя.

— В карте было написано: двенадцать часов.

— Двенадцать часов блока, а не исцеления. Разговаривать можешь. Тихо. Без настройки.

— Сегодня найдут повод открыть шов.

— Швы не ищут поводов. Люди — да.

Сена сняла с её шеи контактные лепестки. Пальцы у неё были прохладные и точные. Яра знала эти движения много лет: Сена никогда не делала больно без предупреждения и никогда не называла терпение лечением.

— Мы идём к Ниме, — сказала Яра.

— После завтрака.

— Сон берут сейчас.

— Поэтому ты съешь кашу сейчас.

Спорить с человеком, который держал в руках доступ к твоей гортани, было неразумно. Яра съела половину, вторую Сена молча упаковала в термоконтейнер. Потом они спустились к двенадцатому сектору.

Чем дальше от центрального кольца, тем заметнее станция экономила на людях. В переходе номер восемь свет включался через одну полосу. В девятом под ногами проступал иней. Возле лифта кто-то приклеил к стене бумажную ладонь с надписью: «Приложи свою. Мы ещё тёплые». Бумага была серой от прикосновений.

Яра приложила ладонь.

Сена сделала то же самое.

У дверей двенадцатого их встретил мальчик лет десяти в куртке на два размера больше. Он сидел на перевёрнутом ящике и продавал кружки кипятка. На табличке значилось: «Один жетон — три минуты».

— Откуда вода? — спросила Сена.

— Из пожарного крана не беру, — ответил он слишком быстро.

— Я не служба порядка.

— Все так говорят, пока не надевают знак.

Яра купила две кружки и одну вернула ему.

— Это зачем?

— За честный ответ, которого не было.

Мальчик усмехнулся и обхватил кружку рукавами.

Нима Тар жила в ячейке у самой внешней стены. Дверь открыла её сестра — широкоплечая женщина с выбритым виском. Увидев знак ганистки на воротнике Яры, она сперва распахнула дверь, потом заметила медицинскую пластину и встала поперёк прохода.

— Вы уже взяли всё, — сказала она.

— Мы ничего не берём, — ответила Сена. — Я врач Сена Вир. Это Яра Соль. Нам нужно проверить состояние Нимы и срок её согласия.

— Проверяли вчера. Сказали, показатели допустимые.

— Кто сказал?

— Узел сна.

— Имя специалиста?

Женщина показала тонкую квитанцию. Вместо имени стоял служебный номер. В графе «объём вклада» было напечатано восемь часов. В графе «продление» — ноль. Ниже система благодарил Ниму за добровольное участие в обогреве станции.

Яра узнала номер вклада. Вчера он горел на её пульте через четырнадцать часов после начала отбора.

— Можно войти? — спросила она.

— А если скажу нет?

— Мы уйдём. Но оставим вам прямой номер Сены и копию того, что видели в контуре. Женщина долго смотрела на неё, потом отступила.

— Я Эви. Нима не просыпается как следует.

В ячейке пахло нагретой тканью и мятным раствором. Все переносные обогреватели были сдвинуты к одной кровати. Нима лежала под тремя одеялами, однако губы у неё оставались бледными. Над виском мерцал след от сонного электрода — тонкое синее полукольцо.

Сена села рядом, представилась ещё раз и дождалась слабого кивка.

— Нима, вы разрешаете мне провести осмотр?

— Да.

— Разрешаете Яре остаться?

Ещё один кивок.

Сена проверяла реакцию зрачков, пульс и температуру пальцев. Яра стояла у стены и слушала комнату. За обшивкой шёл тепловой канал. Его обычный шум состоял из двух ритмов: тяжёлого хода насосов и мягкого, почти телесного колебания добровольно отданного сна. Сейчас между ними вклинивался третий — короткий толчок через каждые четыре доли.

Та же колыбельная.

— Нима, — тихо позвала Яра. — Вы помните сон, который отдавали?

— Не спрашивайте содержание, — предупредила Сена.

— Мне не нужно содержание. Только ритм. Там было что-то повторяющееся? Шаги, качание, музыка?

Нима пошевелила пальцами под одеялом.

— Мама качала брата. Четыре раза туда, четыре обратно. Я не видела лица. Только знала, что это она.

Эви резко отвернулась.

— Брата у нас не было, — сказала она.

— Во сне был.

Яра достала рабочую пластину, но не подключила её к голосу. Записала вибрацию стены через корпус.

— Вчера вы согласились на восемь часов?

— На шесть, — прошептала Нима.

Эви протянула другую квитанцию, бумажную, со смазанной синей печатью. Шесть часов. Электронная копия показывала восемь.

— Она передумала после четырёх, — сказала Эви. — Я отвела её в узел. Нам ответили, что досрочный выход займёт больше тепла, чем оставшиеся два часа. Нима решила дотерпеть.

— Вы подписывали изменение до восьми? — спросила Сена.

— Нет.

— Продление после восьми?

— Нет.

На стене тихо стукнуло: раз, два, три, четыре.

Яра приложила к панели костяшки пальцев. Толчок отозвался в зубах.

Сон шёл через комнату той, у кого его забрали. Система использовала ближайшую физическую ветвь как обратный проводник, а счётчик записывал это как расход жилья. Нима платила дважды: памятью и холодом.

— Я остановлю отбор, — сказала Яра.

Эви шагнула к ней.

— А отопление?

— Может просесть.

— Насколько?

Яра не стала утешать числом, которого не знала.

— Пока не измерим — не скажу.

— Тогда чем это лучше тех, кто продлил ей сон без спроса?

Вопрос попал точнее обвинения. Яра убрала руку со стены.

— Тем, что решение будет вашим. Есть три варианта. Оставить всё как есть до конца проверки. Отсоединить Ниму немедленно и принять риск холода. Или сначала перевести людей в тёплый сектор, а потом остановить ветвь. Я рекомендую второе: продолжение отбора уже опасно для неё и для швов.

— Насколько опасно? — спросила Нима.

Сена ответила раньше:

— Я не могу предсказать восстановление памяти и сна, пока отбор идёт. По текущим признакам медицинских оснований продолжать нет.

Нима закрыла глаза. На несколько секунд Яре показалось, что она снова провалилась, но женщина произнесла:

— Остановите.

Эви взяла её за руку.

— Ты уверена?

— Я хочу проснуться в своём сне. Даже если будет холодно.

Яра передала подтверждение на пластину. Система потребовала активировать голосовой ключ. Она отказалась и выбрала ручную процедуру. Появилось предупреждение: «Операция без акустической компенсации может вызвать локальную потерю тепла».

— Вот как они это спрятали, — сказала она.

— Что? — спросила Эви.

— Остановка вклада считается певческой аварией. Поэтому обычный оператор не нажмёт её без гранистки.

— А гранистка одна, — сказала Сена.

Яра вызвала Лию.

Он ответил почти сразу, за его спиной грохотал ремонтный отсек.

— Если это про доступ к терминалу, инженер ждёт схему.

— Это про физическое отключение сна. Двенадцатый сектор, ячейка сорок семь. Нужен ручной зажим на обратную ветвь и переносной аккумулятор тепла.

— Основание?

— Согласие закончилось. Медицинское продолжение запрещено. Решение вкладчицы — остановить сейчас.

Лио перестал жевать что-то невидимое.

— Система не даст закрыть ветвь без компенсации.

— Поэтому я звоню человеку с руками.

— Рева меня снимет.

— Можешь отказаться.

Лио оглянулся.

— Десять минут.

Он пришёл через семь. С аккумулятором помогал человек, которого Яра меньше всего ожидала увидеть в двенадцатом секторе.

Тейн Ардо был без форменной куртки, в простом сером свитере. На плече он нёс тяжёлый блок, придерживая его обеими руками. У двери поставил аккумулятор на пол и не вошёл.

— Мне сообщили о несогласованном хвосте, — сказал он. — В журнале значится восемь часов без продления. Фактический отбор идёт двадцать девять.

— Согласие было на шесть, — ответила Яра.

Тейн посмотрел на бумажную квитанцию в руке Эви.

— Разрешите снять копию?

— Зачем?

— Чтобы доказать изменение записи.

— Кому? Тем, кто её изменил?

— Для начала — самому себе.

Эви усмехнулась без веселья.

— Удобно.

Тейн не стал защищаться.

— Да. Поэтому решать вам.

После короткой паузы она протянула квитанцию. Он снял копию, показал экран и удалил изображение из общего хранилища, оставив его в локальном журнале расследования. Затем спросил у Нимы разрешения видеть только параметры её вклада. Получив согласие, вошёл.

Лио снял панель со стены. За ней обнаружились трубы трёх поколений, провода, два незаконных отвода и серебристая мембрана певческого контура. Она вздрагивала в ритме колыбельной.

— Если зажать здесь, — сказал Лио, — обратный поток ударит в соседнюю ветвь.

— Если здесь? — Тейн указал ниже.

— Потеряем тепло в двух ячейках.

— На сколько?

— Минут на пять. Может, семь.

— Аккумулятор даст четыре с половиной при текущей нагрузке.

Яра слушала их и вдруг поняла, что Тейн принёс не только блок. На его пластине была открыта живая геометрия шва — та самая, которую вчера он не мог получить.

— Откуда допуск?

— Его всё ещё нет. Лио снял фазу локально. Я построил временную модель без доступа к содержанию сна.

— Нарушили процедуру?

— Процедура утверждает, что отбор уже завершён. Ей нечего нарушать.

Это почти было шуткой. Яра не улыбнулась, но запомнила.

Они составили порядок действий. Лио ставил зажим. Тейн соединял аккумулятор с отопительной ветвью. Сена следила за Нимой. Яра должна была слушать шов и дать знак, если тот начнёт раскрываться. Не петь. Только слушать.

— Если понадобится компенсация? — спросил Тейн.

— Не понадобится.

— Это не ответ.

— Тогда остановите операцию.

— А отбор продолжится.

— Именно.

Он понял. Яра увидела это по тому, как он переставил руку с голосового аварийного контакта на обычный рубильник.

— При признаках раскрытия я возвращаю поток, — сказал он. — Не включаю ваш контур.

— Да.

— Даже если вы потребуете.

Ей не понравилось, что он произнёс это при всех. Ещё сильнее ей не понравилось облегчение.

— Даже тогда.

Нима подтвердила отключение второй раз.

Лио повернул ключ.

Колыбельная оборвалась посреди четвёртого качания.

Стены вздохнули. Свет погас. Холод вошёл в комнату не постепенно, а цельным пластом, как вода через открытую дверь. Эви накрыла сестру собой. Аккумулятор загудел, однако индикатор сразу упал до семидесяти процентов.

В стене тонко зазвенело.

Яра прижала пальцы к панели. Шов искал потерянный ритм. Серебряная мембрана выгнулась наружу, и на миг вместо труб она увидела комнату из сна: низкий потолок, чьи-то руки над колыбелью, тень ребёнка. Видение не звало её. Оно требовало окончания движения.

Четыре туда. Четыре обратно.

Гортань сама подготовилась взять ноту.

Яра закрыла рот.

Она отбила ритм ладонью по стене, но закончила его иначе: три удара и пауза. Не продолжение колыбельной — знак прекращения.

— Давление растёт, — сказал Лио.

— Двадцать секунд, — ответил Тейн.

— Аккумулятор не выдержит.

— Пятнадцать.

Холод забрал чувствительность пальцев. В правом ухе стояла пустота, левое ловило каждый треск металла. Яра повторила три удара и паузу. Сена подхватила. Эви — после неё. Лио бил рукоятью инструмента. Наконец Тейн постучал костяшками по корпусу аккумулятора.

Комната наполнилась не песней, а общим решением закончить её.

Серебряная мембрана опала.

Нима резко вдохнула и открыла глаза.

На индикаторе аккумулятора осталось четыре процента. Температура упала на шесть градусов.

— Отбор нулевой, — сказал Тейн.

— Проверьте физический поток, — потребовала Яра.

Он проверил.

— Нулевой.

Сена наклонилась к Ниме.

— Как вас зовут?

— Нима Тар.

— Где вы?

— Дома.

— Что последнее помните?

Нима посмотрела на сестру.

— Я просила меня разбудить.

Эви прижала её ладонь ко лбу.

В коридоре застучали двери. Отключение задело две соседние ячейки, как и предсказывал Лио. Люди выходили в куртках, ругались, требовали вернуть тепло. Яра вышла к ним прежде, чем Эви успела попросить.

— Мы остановили незаконный отбор сна, — сказала она. Голос сорвался на последнем слове, и толпа услышала это лучше любого знака полномочий. — Тепло вернётся после перенастройки ветви. До тех пор медицинский блок откроет тёплую комнату.

— На сколько? — спросил кто-то.

— На три минуты? — крикнул мальчик с кипятком.

Яра посмотрела на Тейна.

Он мог назвать красивое число. Вместо этого сверился с моделью.

— Девятнадцать минут при условии, что соседняя ветвь примет нагрузку. Если нет — сорок. Я буду здесь, пока не вернётся тепло.

— А потом отключите весь сектор? — спросила женщина у двери.

Тейн не отвёл взгляд.

— В моём плане сектор был условно указан. После того, что мы обнаружили, я не подтвержу отключение по прежним данным.

Это не было обещанием спасти их. Но это было первое его предложение, в котором человек не прятался внутри величины.

Лио уже полз в технический лаз. Сена вызвала транспорт для Нимы. Эви собирала вещи, не выпуская сестрину руку.

Яра вернулась к открытой панели. На серебряной мембране проступила тонкая тёмная полоса — след несогласованного отбора. Таких ветвей на Морене могли быть десятки.

Тейн встал рядом, сохраняя расстояние.

— Вы были правы, — сказал он.

— В чём именно?

— Имя не заменяет величину. Но без имени я искал бы дефект счётчика, а не человека, у которого продолжают брать сон.

— Не делайте из одного имени новую модель.

— Не сделаю. Мне нужны остальные квитанции.

— Люди не обязаны отдавать их вам.

— Тогда пусть отдают вам.

Яра посмотрела на его пластину. На экране оставались две строки: бумажное согласие — шесть часов; системная запись — восемь. Ни содержания сна, ни медицинских показателей.

— Я соберу свидетельства, — сказала она. — Вы получите обезличенные сроки и физические хвосты. Никаких образов, имён и диагнозов.

— Этого достаточно для карты.

— И никаких отключений по старому учёту до сверки.

Тейн помолчал.

— Я могу задержать план до утра. Дальше Рева отменит моё решение.

— Значит, до утра.

Он протянул ей локальную схему двенадцатого сектора.

— Это моя часть обмена.

Яра приняла файл. В нём были трубы, швы и пустые места там, где система не хотела видеть собственную станцию.

За стеной снова пошло тепло. Сначала робко, потом увереннее. Люди в коридоре замолчали, прислушиваясь к трубам. Никто не благодарил инженера, врача или гранистку. Яре это понравилось: возвращённое не обязано выглядеть подарком.

На бумажной квитанции Нимы синяя печать расплылась от тепла чужих рук. Шесть часов добровольного сна превратились в двадцать девять часов принудительного ресурса — одним исправлением в системе и множеством людей, которым было удобнее поверить экрану.

Яра сфотографировала обе цифры рядом.

Потом создала новый файл: «Карта чужой ночи».

Первой строкой внесла не имя Нимы, а право, которое у неё отняли:

«Отказ должен останавливать отбор».

Глава 4. Три минуты тепла

Тейн понял, что двенадцатый сектор замерзает, когда расчёт ещё обещал ему девятнадцать минут до восстановления.

На схеме ветвь уже зеленела. Датчики показывали устойчивую подачу, насос — нормальный перепад, переносной аккумулятор был отсоединён и поставлен на зарядку. Но мальчик, который недавно спрашивал про три минуты тепла, прижал ладонь к трубе и отдёргнул её не от жара, а от холода.

— Она мёртвая, — сказал он.

Лио выбрался из технического лаза, вытер рукавом лоб и сам коснулся металла.

— Поток есть.

— На экране, — ответил Тейн.

Он открыл ручную диагностику. Температура теплоносителя у входа составляла сорок два градуса, у выхода — сорок один. Потери почти не было. Так мог вести себя только участок, через который ничего не проходило.

За дверями квартир люди уже снимали с кроватей одеяла. Кто-то нёс в медицинскую тёплую комнату сонного старика. На ресницах женщины у лестницы блеснула первая изморозь — не настоящая, пока лишь конденсат, но станция умела быстро превращать предупреждения в приговоры.

— Обратный датчик подменён расчётным значением, — сказал Тейн. — Мы вернули сигнал, а не тепло.

Яра стояла возле открытой панели, придерживая горло двумя пальцами. После ручного закрытия отбора Сена запретила ей говорить хотя бы час, но Яра всё равно спросила:

— Куда ушёл поток?

Голос был тихим, с шероховатым краем.

— В соседнюю магистраль или в резерв. Найду.

— Сколько времени?

Тейн посмотрел на мальчика, на одеяла, на белеющую трубу. Красивое число опять было бы удобнее правды.

— Не знаю.

В коридоре заговорили все сразу.

Тейн поднял пластину, будто экран мог защитить его от людей. На нём было достаточно данных для доклада и недостаточно для решения. Он увеличивал ветви, отсекал исправные участки, сравнивал давление. Схема утверждала, что всё работает.

Яра постучала ногтем по серебряной мембране певческого контура. Та ответила глухо, без обычного послезвучия.

— Здесь нет границы, — сказала она.

— Шов закрылся.

— Не шов. Граница между ветвями. Их согласовали как одну.

Лио выругался и снова полез к трубам.

— Тогда клапан открыл оба направления. Центральная магистраль высасывает подачу.

Тейн нашёл узел на старой схеме. Два контура действительно сходились за стеной, но в документации между ними стоял распределитель. В живой геометрии распределителя не было.

— Его сняли, — сказал Лио из лаза. — Давно. Тут сварной обход.

— Можно перекрыть центр?

— Из диспетчерской. Ручной задвижки нет.

Тейн вызвал Реву Мор. Ответ пришёл сразу, словно начальница станции ждала звонка.

— Докладывайте.

— После остановки незаконного отбора двенадцатый сектор потерял фактическую подачу. Нужны три минуты ограничения центральной магистрали, чтобы заполнить внешнюю ветвь и восстановить гидравлическую границу.

— Центральная магистраль питает операционный блок, управление и жилой сектор первой категории.

— Буфер операционного блока рассчитан на девять минут.

— По той же документации, которая только что солгала вам о двенадцатом секторе?

Удар был точным. Тейн проверил источник данных: паспортный расчёт четырёхлетней давности.

— Я запрошу живой уровень буфера.

— Запрашивайте. До подтверждения ограничения запрещаю.

Связь оборвалась.

Лио высунул голову из лаза.

— Живой уровень даст центральный оператор. Если захочет.

— А если не захочет? — спросила Эви.

Тейн не ответил. Он отправил запрос с аварийным приоритетом. Система показала очередь: семь минут.

Температура в коридоре упала ещё на градус.

Яра подошла ближе к схеме. Она не пыталась заглянуть через его плечо — ждала, пока он сам повернёт экран. Тейн повернул.

— Три минуты ограничения точно хватит? — спросила она.

— Если Лио прав насчёт обхода. Давление вытолкнет холодную пробку, затем ветви снова разделятся по сопротивлению.

— Если он ошибается?

— Центр потеряет часть температуры, а здесь ничего не изменится.

— Значит, вы хотите рискнуть теми людьми ради этих.

— Я хочу выполнить измеримую операцию с обратимым риском.

— Для тех, кто мёрзнет, это звучит как «да».

Он закрыл модель. Яра не обвиняла его; она заставляла назвать решение тем, чем оно было.

— Да, — сказал Тейн. — На три минуты. Но решать это не вам и не мне в одиночку.

Он включил общую связь с центральной магистралью. Представился, описал неисправность, назвал предполагаемую длительность снижения и неизвестность старых данных. Не попросил доверять его должности. Попросил проверить теплоаккумуляторы на местах и ответить, кто не может принять риск.

Первым откликнулся операционный блок. Дежурная сообщила: живой буфер — одиннадцать минут, две операции завершены, срочных вмешательств нет. Затем ответил пост управления: автономное питание на двадцать минут. Жилой сектор молчал.

— У них индивидуальные накопители, — сказал Лио.

— По паспорту, — напомнил Тейн.

Яра закрыла глаза и приложила ладонь к трубе. Вслушивалась она теперь всем телом: челюстью, ключицами, костями пальцев. Потом показала на боковую мембрану.

— Можно послать вопрос по контуру.

— Голосом нельзя, — резко сказала Сена.

— Не голосом. Тепловым импульсом. Три коротких — запрос, один длинный — отказ.

— Они поймут?

— Старые аварийные правила знали все кольца до автоматизации.

Лио нашёл в панели ручной нагреватель. Тейн выставил мощность так, чтобы импульс был различим, но не открыл пограничный шов. Три коротких толчка ушли в центральную ветвь.

— Ответа не было.

Они повторили.

По трубе вернулись два коротких удара. Потом ещё два. Разрешение на временное снижение. Из другой части магистрали пришёл один длинный.

— Отказ, — сказала Яра.

Тейн отметил время и адрес по задержке. Жилая секция центра, северный луч.

— Почему? — спросила Эви. — У них теплее, чем у нас.

— Это не отменяет отказ, — ответила Яра.

Тейн отправил уточняющий запрос по служебной связи. На этот раз ответила женщина: в секции находился младенец после криолечения, индивидуальный накопитель не прошёл утренний тест.

Три минуты перестали быть маленькими.

— Можно изолировать северный луч? — спросил Тейн.

Лио покачал головой.

— Из диспетчерской — да. Но они не дадут нам доступ.

— Физически?

— В распределительном колодце есть пережим. До него метров сорок по сервисному каналу.

— Я пойду.

— Вы не пролезете с инструментом и пластиной.

Яра сняла со стены тонкий страховочный трос и протянула Тейну.

— Я поведу по вибрации.

— Вам нельзя настраивать.

— Я буду слушать.

— Если откроется шов?

— Вы остановите операцию.

Он вспомнил, как час назад она заставила его обещать именно это. Теперь обещание становилось неудобным.

— Остановлю, — сказал Тейн.

Лио ушёл в канал с пережимом и ручным ключом. Камера на его воротнике быстро покрылась паром, изображение распалось на серые пятна. Тейн видел только телеметрию. Яра держала трос двумя руками и различала повороты по дрожи металла.

— Развилка, — сообщил Лио.

— Левая выше, правая глухая, — сказала Яра.

— На схеме наоборот, — заметил Тейн.

— Схема не слышит.

Лио выбрал левую. Через минуту его дыхание участилось.

— Нашёл пережим. Он без маркировки. Какой закрывать?

Тейн поднял живую модель, но две линии совпадали. Ошибка выбора оставила бы без буфера операционный блок или направила бы весь центр в двенадцатый сектор. Яра переби-рала трос пальцами, как одну струну.

— Ударь по первому.

По металлу пришёл звонкий отклик.

— Теперь по второму.

Глухой удар прошёл через её ладони и отозвался в панели.

— Второй ведёт к северному лучу. Первый — общая магистраль.

Тейн сверил задержку с длиной канала. Разница составляла меньше десятой доли секунды, но совпадала с её выводом.

— Пережимай второй, — приказал он.

— Это рекомендация инженера или певицы? — спросил Лио.

— Совместное решение. Ответственность моя.

Металл застонал. На схеме северный луч отделился от общей ветви, его локальный накопитель принял нагрузку. Тейн связался с женщиной из жилой секции. Температура у них не изменилась.

Теперь нужно было ограничить центр.

Рева не отвечала. Очередь аварийного доступа показывала ещё четыре минуты. В двенадцатом секторе было уже двенадцать градусов.

— У вас есть мандат на сокращение, — сказала Яра.

— Не на реконфигурацию.

— Слова системы опять важнее трубы?

— Нет. Важно, кто сможет отменить действие, если я потеряю связь.

Он передал Сене код возврата, а Эви попросил вслух повторить условие: через три минуты центральная магистраль открывается независимо от результата. Эви повторила. Яра установила на своей пластине отдельный таймер. Лио подтвердил из канала, что снимет пережим северного луча только после полного выравнивания.

Так у решения появилось больше одного хранителя.

Тейн применил свой мандат к центральному узлу. Система предупредила о превышении полномочий. Он подписал действие личным ключом.

— Начали.

Первая минута прошла без изменений. Труба оставалась ледяной. Люди смотрели на неё, будто на упрямое животное.

На семьдесят третьей секунде внутри что-то тяжело сдвинулось. Холодная пробка пошла по ветви, заставляя крепления вздрагивать одно за другим. Яра подняла ладонь: в мембране появился тонкий свист.

— Шов?

Она покачала головой.

— Пока нет. Граница вспоминает форму.

На второй минуте давление резко упало. Тейн увидел утечку там, где схема показывала сплошную стену.

— Лио, рядом с тобой сбросной клапан.

— Вижу. Он открыт.

— Закрой.

— Тогда давление ударит в двенадцатый.

— Для этого мы здесь.

Лио закрыл клапан. По трубам прокатился гул. Серебряная мембрана выгнулась, и за ней проступило белое поле под чужими звёздами. Холод оттуда был не температурой, а отсутствием расстояния: один шаг — и станция могла оказаться нигде.

Яра вдохнула.

Тейн положил ладонь на аварийный рубильник.

— Не петь, — сказал он.

Она посмотрела на него с яростью, но не открыла рот. Вместо ноты ударила пальцами по трубе: три коротких, один длинный. Запрос и граница отказа.

Тейн ответил тем же ритмом по корпусу панели. Лио — ключом из сервисного канала. Люди в коридоре подхватили, сначала неровно, потом вместе. Они не отдавали сны и не созда-

вали тепло. Они давали системе ясный рисунок разных ветвей, чтобы уже существующий поток перестал принимать их за одно целое.

Белое поле дрогнуло.

Температура на входе выросла до восемнадцати градусов. Потом до двадцати пяти.

Таймер Яры показал две минуты пятьдесят секунд.

— Ещё десять, — сказал Тейн.

Труба под ладонью мальчика перестала белеть.

На трёх минутах Тейн открыл центральную магистраль, хотя расчёт просил ещё четырнадцать секунд. Условие было важнее удобного запаса. Сена одновременно ввела код возврата, и система подтвердила два независимых действия.

Шов закрылся.

Тепло пошло по двенадцатому сектору медленно, без победного гула. Восемнадцать градусов не были уютом, но уже не были эвакуацией. Из центрального жилого луча сообщили: температура у младенца стабильна. Операционный блок не использовал и трети буфера.

Лио выбрался из канала с ободранными локтями.

— Пережим держит. Но это временно.

— Всё временно, если его не нанесли на схему, — сказал Тейн.

Он сохранил живую конфигурацию и приложил к ней личный журнал: кто согласился, кто отказался, какое ограничение было обещано, когда поток вернули. Затем отправил копии всем участникам операции, включая женщину из центрального луча.

На экране появилось сообщение Ревы Мор: «Немедленно явиться. Доступ к центральным контурам приостановлен».

Тейн прочитал и убрал пластину.

— Вас уволят? — спросил мальчик.

— Пока только хотят поговорить.

— Вы всегда так говорите вместо ответа?

— Раньше — чаще.

Яра прислонилась к стене. Теперь, когда опасность ушла, её руки заметно дрожали. Тейн хотел поддержать её, но остановился прежде, чем коснуться.

— Можно?

Она посмотрела на его руку и покачала головой.

Он отступил.

Через секунду Яра сама протянула ему пластину. На ней была открыта запись вибраций — общий ритм коридора, наложенный на кривую давления.

— Совместимость, — прочитал Тейн подпись.

— Профессиональная, — хрипло уточнила она.

— Разумеется.

Но оба задержали взгляд чуть дольше, чем требовала проверка файла.

В дальнем конце коридора Эви разливала кипяток по кружкам. Три минуты тепла оказались не подарком центра внешнему кольцу и не подвигом двух специалистов. Они состояли из чужого отказа, принятого без спора; из человека в тесном канале; из старого сигнала, который жители ещё помнили; из обещания выключить операцию вовремя — и из того, что обещание выполнили, когда было выгоднее нарушить.

Тейн добавил к модели новое обязательное поле: «Кто может остановить действие».

Только после этого пошёл к Реве.

Глава 5. Голоса внешнего кольца

К полудню тепло вернулось в двенадцатый сектор, но доверие — нет.

Яра поняла это у первого же порога. Женщина в сером домашнем комбинезоне выслушала объяснение, посмотрела на медицинский браслет Сены и на пластину с пустой формой свидетельства, а потом спросила:

— Вы от Ревы?

— Нет, — ответила Яра.

— Тогда почему у вас её печать доступа?

На краю формы светился знак службы границ. Формально он принадлежал не Реве Мор, а станции. Здесь разница никого не убеждала.

— Потому что без него двери технических отсеков не признают меня работником, — сказала Яра. — Но эту запись вы будете хранить у себя. Мы возьмём только время начала и конца отбора, номер ветви и отметку, было ли согласие.

— А имя?

— Только если вы сами захотите оставить его врачу.

Женщина закрыла дверь.

Сена прислонилась плечом к стене. По коридору тянуло горячим металлом: трубы отогревались слишком быстро, краска на старых креплениях пахла горечью.

— Хорошее начало, — сказала она.

Яра провела большим пальцем по краю пластины, отбивая четыре равных удара. После аварии голос саднило, хотя она не пела ни ноты.

— Она права.

— Конечно, права. Поэтому нам нужна не правильная речь, а процедура, которой можно отказать.

Они заняли пустую комнату бывшей прачечной. Лио принёс три автономных считывателя, старый проектор и бухту провода. Эви, та самая девочка, которая ночью грела брату руки над кружкой, привела двух соседок и сразу потребовала убрать со стены герб станции.

— Он закрывает трещину, — предупредил Лио.

— Пусть трещину будет видно.

Герб сняли. Под ним действительно расходилась тёмная щель.

Сена переписала правила крупными буквами на лист упаковочного материала: «Можно не отвечать. Можно забрать запись. Можно остановиться в любой момент. Свидетельство не даёт согласия на новый отбор». Ниже Яра добавила: «Сначала копия человеку, потом данные карте».

— И никаких песен, — сказала Сена.

— Я не собиралась.

— Я говорю не о твоём горле. Некоторые вспомнят сон, если услышат знакомый ритм. Не вытаскивай подробности ради точного времени.

Яра кивнула. Незаконный отбор хотелось превратить в ясную последовательность импульсов: начало, мощность, ветвь, конец. Так было легче чинить. Но человек не был испорченным журналом, который можно открыть без спроса.

Первой пришла Нима Тар. Она держалась на ногах, однако двигалась осторожно, словно пол мог накрениться. Эви принесла ей стул.

— Я хочу с именем, — сказала Нима.

— Не обязана, — напомнила Сена.

— Знаю. Потому и хочу.

Лио включил считыватель. Устройство не подключалось к станционной сети; время оно брало с механического хронометра, который все могли видеть.

Нима положила бумажную квитанцию рядом с электронной выпиской. Шесть часов на бумаге. Восемь — в реестре. Двадцать девять — по медицинским признакам и фактическому хвосту контура.

— Что вы помните после шестого часа? — спросила Сена.

— Будто я просыпалась внутри одного и того же утра. Мать ставит чашку, окно запотело, за окном ещё старый купол третьего кольца. Я знаю, что мать умерла, а купол разобрали. Но каждый раз верю ещё секунду.

Яра почувствовала, как под языком возникает нужная нота — низкая, успокаивающая. Привычка предлагала выровнять дыхание Нимы за неё. Яра прижала большой палец к ладони и промолчала.

— Подробность сна можно удалить, — сказала она. — Для карты достаточно длительности.

Нима посмотрела прямо на неё.

— Удалите чашку и окно. Оставьте, что после отбора я путала пробуждение со сном. И оставьте имя.

После подписи считыватель выдал две одинаковые пластины. Одну Нима убрала во внутренний карман, вторую опустила в прозрачный ящик.

Следом пришла женщина из девятого сектора. Имени она не назвала. Потом — две сестры из семнадцатого, которые согласились говорить только вместе. У одной вклад закончился четыре дня назад, но по ночам браслет всё ещё нагревался. Другая никогда не подписывала договор, однако видела один и тот же сон о незнакомой мастерской и просыпалась с ожогом от контактной дуги на запястье.

— Сон мог перейти по домашней ветви, — сказал Лио.

— Не мог, — резко ответила старшая сестра. — Нам говорили, что квартиры разделены.

Лио уже хотел объяснить разницу между проектной и фактической схемой, но Яра остановила его взглядом.

— Нам тоже так говорили, — сказала она. — Теперь мы проверяем разделение физически.

Женщина долго смотрела на неё, потом разрешила записать номер стояка.

К середине смены очередь вышла в коридор. Люди приносили квитанции, браслеты, домашние термометры, клочки бумаги с часами бессонницы. Кто-то хотел назвать виновного, кто-то — только вернуть потерянную ночь. Несколько человек уходили, увидев Яру. Двое называли её голосом Ревы, даже когда она молчала.

Это было больше, чем она ожидала. Много лет Яра приходила во внешние кольца после аварий, и двери открывались прежде, чем она успевала постучать. Люди верили, что певица слышит опасность раньше приборов. Теперь она понимала: вместе с опасностью она могла слышать их внутреннюю жизнь, а они не знали, где кончается её служебное право.

— Следующая, — позвала Сена.

Вошла пожилая женщина с выбритым виском и поставила на стол выключенный сонник.

— Я ничего не отдавала семь лет.

— Тогда что вы хотите зафиксировать? — спросила Яра.

— Что вчера мой аппарат включился сам.

Лио снял крышку. Внутри стоял новый переходник, чистый среди старых деталей.

— Кто обслуживал?

— Центральная бригада. Сказали, обязательная замена защиты.

На переходнике не было серийного номера. Зато его канал уходил не к бытовой тепловой ветви, а к тонкой линии обратного тока.

Лио вывел сигнал на проектор. На стене появилась бледная кривая: каждые девяносто минут аппарат посылал короткий импульс, проверяя, спит ли хозяйка.

В прачечной стало тихо.

— Он не брал сон, — сказал Лио. — Пока не брал. Искал момент подключения.

— Вы это запишете? — спросила женщина.

— Если позволите, — ответила Яра.

— Запишите ещё: я запрещаю ему искать.

Сена добавила отдельное поле отказа. Лио отсоединил переходник и отдал его хозяйке в опечатанном пакете, не оставив себе даже корпус. После этого ещё шесть человек принесли такие же аппараты.

Точки ложились на карту неравномерно. Яра ожидала увидеть самые холодные сектора, где Совет мог оправдывать отбор аварийной нуждой. Вместо этого хвосты тянулись вдоль старой сервисной дуги и сходились у магистрали, ведущей к центру. Одни начались месяц назад, другие — три года. Некоторые появлялись только перед прохождением облачных складок, но часть работала в спокойные недели.

— Это не аварийный резерв, — сказала Эви.

— Пока мы знаем только, что он не совпадает с авариями, — поправила Яра.

— Вы всегда так разговариваете? Будто каждое слово надо пристегнуть ремнём?

— Когда слово может стать обвинением — да.

Эви скрестила руки.

— Поэтому вам никто не верит. Они мерзли, а вы ждёте, пока холод подпишет протокол.

Яра хотела возразить. Вместо этого посмотрела на прозрачный ящик. Сорок три свидетельства. Двадцать один прямой хвост после окончания согласия. Девять самовольных проверочных импульсов. Пять случаев, которые могли иметь другое объяснение. Ни одно число не говорило, каково просыпаться внутри утра с умершей матерью.

— Что предложишь? — спросила она.

Эви явно не ожидала вопроса.

— Пусть люди сами ставят точки.

Они перенесли проектор в коридор. Карту сделали грубой: схема колец без фамилий и номеров квартир. Каждый участник получал янтарный жетон для согласованного вклада, синий — для продлённого без разрешения, белый — для непонятого сигнала. Жетон можно было прикрепить самому или попросить Сену. Красных не было: Яра не хотела, чтобы цвет заранее объявлял чью-то вину.

Карта ожила. Синие точки проступили на внешней дуге, затем перескочили через технический пояс и образовали почти ровную линию к центральной магистрали. Белые собрались вокруг узлов, которых не существовало на официальной схеме.

Жители перестали смотреть на Яру. Они смотрели на собственный рисунок.

— Мой сигнал здесь, — сказал мужчина у проектора. — Но стояк у нас с другой стороны.

— На плане, — отозвалась старшая из сестёр. — А трубы ты видел?

— Теперь увижу.

Спор разрастался, но уже не требовал голоса Яры. Люди сравнивали время, вспоминали ремонты, отмечали закрытые люки. Эви создала список тех, кто соглашался показать домашние узлы. Сена добавила правило: осмотр только в присутствии хозяина, медицинские данные не выносятся из квартиры.

Яра стояла у края карты и впервые за день позволила себе надежду.

Дверь открылась без стука. В прачечную вошли двое сотрудников станционной безопасности. За ними появилась Рева Мор.

Начальница станции была без форменного плаща, в одном тёмном кителе. От этого она казалась не менее официальной, а более опасной: будто пришла не выступать, а действовать.

— Сбор персональных данных без разрешения, — сказала она. — Использование аварийного оборудования не по назначению. Распространение непроверенной схемы в период повышенной готовности.

Люди отступили от стола, но не от карты.

Яра вышла вперёд.

— Персональные данные остаются у владельцев и у врача. На карте нет имён. Считыватели автономны.

— Служебная певица не имеет права проводить расследование.

— Тогда я здесь не как служебная певица.

Рева перевела взгляд на её браслет.

— Контур, жильё, питание, медицинское обслуживание. Всё это предоставляет станция именно служебной певице.

Старая ловушка захлопнулась мягко. Яра всегда знала цену договора, но до этой минуты считала её платой за труд, а не поводом.

Сена встала рядом.

— Медицинское наблюдение я провожу на законном основании.

— Ваше основание заканчивается там, где начинается техническая карта.

— А ваше? — спросила Нима.

Рева впервые посмотрела не на работников, а на жителей.

— Моё основание — не дать станции замёрзнуть через двадцать дней.

— Моё согласие закончилось через шесть часов.

— Реестр показывал восемь.

— А контур брал двадцать девять.

На лице Ревы ничего не изменилось.

— Именно поэтому проводится аудит.

— Инженер, которого вы отстранили? — спросила Яра.

— Инженер превысил полномочия и поставил под угрозу центральный сектор.

— Он принял отказ центрального сектора и защитил его до переключения.

— Он создал опасный прецедент.

— Что действие можно остановить вовремя?

Рева подошла к прозрачному ящику. Сотрудники безопасности двинулись за ней. Эви закрыла ящик обеими руками.

— Это копии жителей, — сказала девочка. — Унесёте — мы аннулируем согласие на использование.

— Несовершеннолетняя не может распоряжаться чужими свидетельствами.

— Мне девятнадцать.

— Тогда должна понимать ответственность.

— Наконец-то кто-то решил, что должна.

Яра услышала в трубах слабый дребезг. Не шов — пока только напряжение потока. Но десятки людей говорили одновременно, и сеть подхватывала ритм дыхания, шагов, ударов ладоней о металл. После незаконных отборов границы путали человеческое возбуждение с приглашением.

Она подняла руку. Раньше одного этого движения хватало, чтобы освободили место для песни. Теперь никто не замолчал.

Яра взяла со стола пустой жетон и трижды ударила им по трубе. Потом один раз — медленно. Запрос. Отказ.

Нима повторила. Эви подхватила. Через несколько секунд коридор отвечал общим рисунком, но не стройно: каждый удар звучал отдельно. Дребезг в трубах ослаб.

— Мы не открываем шов, — сказала Яра, когда стало тихо. — И не отдаём вам ящик. Если здесь есть нарушение, опечатайте комнату снаружи. Свидетели заберут копии. Карта останется на стене, потому что принадлежит тем, кто её составил.

Один из сотрудников безопасности посмотрел на Реву. Та могла приказать. Яра видела расчёт в её глазах: силой освободить комнату было легко, но тогда сорок человек унесли бы одинаковые истории по всем кольцам.

— До конца смены, — решила Рева. — Затем помещение закрывается как технически опасное.

— На каком основании? — спросила Эви.

— Трещина в несущей панели.

Лио тихо рассмеялся.

Трещина, которую скрывал герб, стала частью протокола.

Рева повернулась к Яре.

— Ваш голосовой допуск восстановлен частично. В восемнадцать ноль-ноль вы обязаны явиться на проверку седьмого шва.

— Если медицинский допуск подтвердит Сена.

— Станция не может ждать, пока вы решите, кем здесь работаете.

— А я больше не могу работать, не зная, что именно мой голос распределяет.

Рева задержалась на миг.

— Тогда найдётся тот, кто сможет.

Она ушла. Сотрудники безопасности последовали за ней, не коснувшись ящика.

В комнате заговорили шёпотом. Угроза Ревы должна была испугать Яру потерей места. Вместо страха пришло другое чувство — холодное и ясное. Если певицу можно заменить приказом, значит, её незаменимость всегда была не истиной, а способом удерживать в повиновении.

На пластине мигнул автономный входящий пакет. Отправитель был скрыт, но подпись инженера Яра узнала сразу: Тейн ставил метки времени в обратном порядке, чтобы система не округляла секунды.

В пакете лежали необработанные хвосты тридцати дней и короткое сообщение: «Мой доступ приостановлен, не отозван. Сопоставление выполняйте офлайн. Не присылайте имён».

Ни оправдания. Ни просьбы поверить. Только данные и ограничение, защищавшее свидетелей даже от него самого.

Яра подключила пакет к проектору. Линии инженерного журнала легли поверх жетонов жителей. Совпали не все. Но там, где синие точки образовали путь к центру, расчётные хвосты вспыхнули почти непрерывной полосой.

Лио увеличил изображение.

— Вот независимая карта, — сказал он.

— Нет, — возразила Яра. — Пока только первая версия.

Эви посмотрела на неё искоса.

— Опять ремень на каждом слове?

— Да. Но теперь держим его мы.

Они разделили работу. Жители забрали личные копии. Сена унесла медицинскую часть в автономном ящике. Лио составил маршрут физической проверки стояков. Эви сфотографировала карту на шесть разных устройств и передала копии представителям секторов.

Перед уходом Нима сняла с проектора синий жетон со своим номером ветви.

— Передумали? — спросила Яра.

— Нет. Хочу прикрепить сама.

Она перенесла жетон выше, точно на линию к центральной магистрали, и сильно прижала к стене.

К концу смены на карте было восемьдесят семь свидетельств. Пятьдесят два указывали на отбор после истечения согласия, одиннадцать — на проверочные импульсы без договора, семь требовали дополнительной проверки. Остальные были законными вкладами, и Яра настояла оставить их рядом: без янтарных точек карта превратилась бы в обвинение против самой идеи делиться снами.

Последней строкой она записала не вывод, а вопрос: «Кто получает тепло между официальным окончанием вклада и фактической остановкой контура?»

За стеной шла тёплая вода. В её шуме Яра слышала множество неровных частот. Раньше она бы искала одну ноту, способную собрать их в порядок. Теперь слушала, как они остаются разными и всё же складываются в рисунок.

Граница могла держаться не потому, что один голос перекрывал остальные.

Возможно, она держалась именно там, где каждый голос сохранял право прозвучать отдельно.

Глава 6. Нейтральная цифра

Тейн доказал дефицит к четырём утра и ещё час не решался показать доказательство кому-либо.

В изолированной вычислительной комнате не было окон, только три стены из серого металла и четвёртая — из стоек с тепловыми регистраторами. После приостановки доступа ему оставили один служебный терминал: без права менять режимы, без медицинского слоя, без связи с распределителями. Рева, вероятно, рассчитывала, что инженер без рычагов станет безопасен.

Она ошиблась в том, что считала рычаги единственным инструментом.

На экране лежали тридцать дней необработанных журналов. Тейн разложил их не по секторам, как требовал мандат, а по источникам: накопители, добровольные вклады, возвратное тепло, потери на переходах, пограничная компенсация. Потом повторил расчёт тремя способами.

Результат менялся в сотых долях.

Через двадцать дней Морене действительно не хватит тепла.

Не двенадцати процентов, которыми пугал приказ. После отказа от старых коэффициентов и отделения работы швов от бытового расхода оставалось пять целых восемь десятых. Этого было достаточно, чтобы внешние кольца начали терять жилые отсеки до выхода из сердца облака. Достаточно, чтобы дети спали в медблоках, взрослые дежурили у общих обогревателей, а ремонтники выбирали, какой стояк дать лопнуть первым.

Цифра была настоящей.

И именно поэтому она была опаснее лжи.

Тейн вывел рядом две колонки. В левой стоял официальный баланс: ровный, убедительный, подписанный его именем под методикой трёхлетней давности. В правой — фактические импульсы. Если убрать незаконные хвосты, Морена замерзала. Если оставить их, станция всё равно не набирала заявленный резерв.

Зато центральный контур показывал коэффициент преобразования сто восемнадцать процентов.

Тейн увеличил строку.

Сто восемнадцать.

Тепло можно было сохранить, перенести, потерять при передаче. Песня гранистки могла согласовать поток со швом и не дать энергии рассеяться в соседнем мире. Но ни голос, ни сон, ни лучший накопитель не создавали лишнего из ничего. Даже в лабораторных условиях преобразователи Морены выдавали восемьдесят семь процентов. Девяносто считалось поводом разобрать прибор и искать ошибку.

Сто восемнадцать означало, что часть входа спрятали, а выход оставили на виду.

Он проверил единицы измерения. Сдвиг времени. Дублирование пакетов. Возврат из охлаждающих магистралей. Отложенную отдачу накопителей. Потом переписал формулу вручную на бумаге, потому что начал подозревать собственные глаза.

Получилось сто восемнадцать.

В дверь постучали двумя короткими ударами и одним длинным.

Тейн закрыл не расчёт, а строку с именем Нимы. Остальные данные были обезличены.

— Войдите.

Лио протиснулся боком, держа две кружки и свёрнутую схему. Его волосы были влажными от конденсата, на рукаве темнело машинное масло.

— Я принёс завтрак.

— Это вода.

— Горячая вода. На Морене разница скоро станет политической.

Он поставил кружку у терминала и развернул схему на полу. Это была старая монтажная копия, вся в сгибах и чужих пометках.

— Нашёл у мастера, который прокладывал центральную обратку. Он умер шесть лет назад, а бумагу никто не догадался обновить.

— Откуда ты знаешь, что она настоящая?

— Не знаю. Поэтому принёс вам, а не объявил по общей связи.

Тейн присел рядом. На официальном плане центральная магистраль принимала три потока. На старой схеме их было четыре. Тонкая линия шла от сервисной дуги внешнего кольца и исчезала под обозначением акустического компенсатора.

— Этот узел существует? — спросил Тейн.

— Люк существует. За ним новая пломба Совета.

— Дата?

— На пломбе — прошлый месяц. На крепеже пыль старше меня.

Тейн провёл пальцем вдоль четвёртой линии. Она совпадала с маршрутом хвостов, который он отправил Яре. Незаконно продлённые вклады не растворялись в общих потерях. Их сводили в отдельный вход центрального контура и записывали как результат повышенной эффективности.

Лио заглянул на экран.

— Сто восемнадцать — это хорошо?

— Это невозможно.

— На станции многое невозможно до тех пор, пока не находишь трубу.

— Труба не объясняет, кто изменил учёт.

— Зато объясняет, куда идти.

Тейн поднялся. Его первой мыслью было вскрыть люк. Второй — что именно так он действовал в секторе двенадцать: увидел технически необходимый шаг и решил, что необходимость даёт право выполнить его. Тогда его остановили чужой отказ и три минуты, заранее отмеренные людьми. Сейчас за пломбой мог быть узел, от которого зависело тепло центра. Или ловушка для любого, кто искал доказательства слишком быстро.

— Мы не вскрываем его вдвоём, — сказал он.

— Боитесь Ревы?

— Боюсь уничтожить след или оставить без тепла палату. Это разные страхи. Нужны владелец участка, независимый свидетель и локальная схема отключения.

Лио усмехнулся.

— Вы быстро учитесь жить без права быть самым умным в комнате.

— Пока только учусь замечать, что комната не моя.

На терминале мигнуло сообщение от службы станции: в семь ноль-ноль Тейн обязан представить Реве расчёт дефицита. Не расследование. Не карту скрытого входа. Только расчёт.

Он сохранил три копии модели на автономные пластины. Одну запечатал для технического архива, вторую отдал Лио.

— Кому нести?

— Себе. И никому не отдавать без вашей подписи.

— А третью?

Тейн посмотрел на время.

— Тому, кого Рева пытается заставить распределять этот поток голосом.

*

В зале Совета было теплее, чем требовали санитарные нормы.

Тейн заметил это прежде, чем увидел людей. Двадцать четыре градуса. Во внешнем кольце утром держалось пятнадцать, в двенадцатом секторе — тринадцать с половиной. Здесь

двое советников сидели без курток, а на столе между ними испарялась вода из широкого открытого сосуда.

Рева Мор стояла у карты прохождения облака. Рядом с ней находился начальник распределения Каст Вар — сухой мужчина с бесцветными ресницами. Именно его подпись разрешала замену домашних переходников, которые жители находили в сонниках.

— Инженер Ардо, — сказала Рева. — Вы опоздали на сорок секунд.

— Шлюз держал санитарную паузу.

— Значит, следовало выйти раньше.

Тейн подключил пластину к столу. На общей стене возникли две линии: доступное тепло и необходимый минимум. Они сходились на четырнадцатом дне, затем расходились, как края раны.

— Реальный дефицит к сердцу облака — пять целых восемь десятых процента при текущем режиме. Если швы участятся по верхней границе прогноза — семь целых одна десятая.

Один из советников наклонился вперёд.

— Значит, сокращения необходимы.

— Изменения необходимы. Какие именно — из этой цифры не следует.

Каст Вар коснулся панели, вызывая таблицу с секторами.

— Внешнее кольцо даёт наибольший управляемый расход. Ваш прежний порядок был верен.

— Мой прежний порядок считал пограничную компенсацию потреблением жителей. После исправления сектор двенадцать перестаёт быть крупнейшим расходником.

— Но дефицит остаётся.

— Да.

Тейн не смягчил ответ. Ложь не становилась допустимой только потому, что правду могли использовать против тех же людей.

Рева изучала график.

— Вы утверждали, что приказ основан на неверной модели.

— Так и есть.

— Но итог отличается от нашего прогноза меньше чем вдвое. Станция всё равно нуждается в резерве.

— Неверный путь не становится верным, если случайно приводит к существующей опасности.

— Для замерзающего человека разница академическая.

— Для человека, чей сон вы забираете после отказа, — нет.

В комнате стало тихо. Тейн увидел, как один из советников отвёл взгляд от открытого сосуда с горячей водой.

Рева не повысила голоса.

— У вас есть доказательство умышленного отбора?

— У меня есть доказательство незарегистрированного входа.

Он вывел коэффициент центрального контура.

Сто восемнадцать процентов заняли стену.

Каст Вар даже не моргнул.

— Ошибка синхронизации.

— Проверено по трём часам, двум независимым регистраторам и механической метке времени.

— Возвратное тепло.

— Учтено отдельно.

— Работа гранистки.

— Голос не создаёт энергию.

— Он уменьшает потери.

— Чтобы получить этот результат, потери должны стать отрицательными.

Тейн увеличил схему. Четвёртый вход он пока не показал: старая бумага была указанием, не доказательством. Но вывел интервалы, когда официальный контур работал без зарегистрированной подачи. Почти все совпадали с хвостами после истечения согласия.

— Здесь, здесь и здесь центральный выход продолжает расти, хотя три заявленных входа падают. Лишнее тепло приходит снаружи учтённой системы.

— Или ваши датчики неисправны, — сказал Каст.

— Тогда нельзя использовать те же датчики, чтобы обосновывать отключение внешнего кольца.

Рева повернулась к начальнику распределения.

— Когда проводилась последняя проверка?

— По графику. Семь недель назад.

— Кем?

— Моей службой.

Тейн услышал не ответ, а замкнутый круг: служба, распределяющая ресурс, сама подтверждала приборы, по которым оценивали справедливость распределения.

— Нужна независимая проверка, — сказал он. — До неё нельзя считать центральный коэффициент достоверным и нельзя принимать мой порядок отключений.

— Ваш мандат требует порядка к сегодняшнему вечеру, — напомнила Рева.

— Мандат требует обеспечить выживание станции.

— Иногда выживание требует действовать с неполными данными.

— Неполнота здесь не случайна. В таблице отсутствует вход, который физически должен существовать.

Каст сложил руки.

— Должен?

Тейн понял, что сказал на слово больше, чем собирался. Теперь можно было отступить, сослаться на расчётную гипотезу и сохранить старую схему в тайне. Так поступил бы инженер, для которого главное — первым добраться до узла.

Он подумал о прозрачном ящике с копиями жителей. Они рисковали именами и правом на собственные сны. Скрывать источник от них, чтобы удобнее вести расследование, означало повторить устройство Совета в меньшем масштабе.

— Монтажная схема показывает четвертую линию от старой сервисной дуги, — сказал Тейн. — Я не вскрывал люк и не подтверждаю, что линия действует. Требую осмотра при представителях внешнего кольца, врача сна и технической службы. Без отбора содержания снов.

Рева долго смотрела на него.

— Где оригинал?

— У владельца копии.

— Имя.

— Не имеет отношения к расчёту.

— Вы продолжаете собирать параллельную систему управления.

— Нет. Я пытаюсь не дать одной системе самой назначать себя независимым свидетелем.

Советник у стены тихо спросил:

— Если остановить неизвестный вход сейчас, что произойдёт?

— При худшем сценарии центр потеряет до восьми процентов подачи, — ответил Тейн. — При лучшем исчезнет фиктивная эффективность, и мы увидим настоящий баланс. Останавливать вслепую нельзя.

— Следовательно, отбор должен продолжаться, — сказал Каст.

— Следовательно, вы назвали отбором то, что минуту назад считали ошибкой датчиков. Каст побледнел.

Рева подняла ладонь, обрывая его ответ.

— До проверки центральный контур остаётся в текущем режиме. Инженер Ардо готовит два плана: с его сохранением и без него. Служба распределения предоставит журналы обслуживания.

— Представители жителей? — спросил Тейн.

— Совет представляет жителей.

— Люди с истёкшим согласием должны присутствовать при проверке линии, которая, возможно, использует их вклад.

— Вы ставите управление станцией в зависимость от толпы в прачечной.

— Я ставлю проверку согласия в зависимость от тех, кто его давал или не давал.

Рева подошла ближе. В её лице не было ярости, только усталость человека, который давно решил, сколько чужой свободы стоит один градус тепла.

— Вы всё ещё думаете, что можно пережить облако чистыми руками.

— Нет, — сказал Тейн. — Я думаю, что грязь надо учитывать в балансе.

Она отключила его пластину от общего стола.

— Совещание окончено. Ваша приостановка сохраняется. Сырые данные запрещено передавать лицам без допуска.

— Они уже обезличены.

— Это не меняет приказа.

— Тогда зарегистрируйте, что приказ препятствует независимой проверке.

Рева коснулась панели. В протоколе появилась строка. Тейн прочёл её дважды: «Инженер уведомлён о риске разглашения служебной информации».

Не то, что он сказал.

— Полную запись, — потребовал он.

— Протокол ведёт секретарь.

— Полную запись моего требования и вашего отказа.

— Вы не в том положении, чтобы диктовать форму протокола.

Тейн вынул личную пластину и включил локальную фиксацию.

— Тогда я отмечаю расхождение у себя. Время — семь двадцать три. Я потребовал зарегистрировать препятствие независимой проверке. Начальница станции отказала.

Каст Вар рассмеялся один раз, без веселья.

— Личный журнал не имеет силы.

— Пока его не сравнят с вашим.

Тейн вышел прежде, чем ему приказали сдать пластину.

*

Яру он нашёл у седьмого шва.

Проверка ещё не началась. Она стояла перед закрытой мембраной в тёплой накидке поверх рабочего костюма и слушала, приложив два пальца к металлической раме. Сена настраивала медицинский браслет. У дальней стены ждали двое сотрудников безопасности.

Тейн остановился за обозначенной на полу линией. Подходить ближе без приглашения здесь означало вмешаться не только в работу, но и в настройку слуха.

Яра заметила его отражение в мембране.

— Вы пришли отключать сектор или извиняться за попытку?

— Ни то ни другое.

— Хорошо. На второе сейчас нет времени.

Он протянул пластину, не переступая линию.

— Дефицит настоящий. Пять целых восемь десятых процента, возможно семь и одна десятая при частых швах.

Её лицо стало неподвижным.

— Значит, Рева была права?

— В том, что тепла не хватает. Не в том, у кого его брать и кто получает уже взятое.

— Удобное различие для автора модели.

— Не удобное. Необходимое.

Яра не взяла пластину.

— Что ещё?

— Центральный контур показывает сто восемнадцать процентов эффективности.

Сена обернулась.

— Такое бывает?

— Нет. Есть скрытый вход или подмена журнала. Старая схема указывает линию от сервисной дуги к центру. Я потребовал совместный осмотр. Рева отказалась от представителей жителей.

— И вы принесли данные мне, хотя она запретила?

— Обезличенную модель и интервалы. Без имён, медицинских записей и содержания снов.

— Почему?

Тейн мог сказать: потому что доверяю. Слово прозвучало бы преждевременно и потребовало бы от Яры ответного чувства. Он выбрал то, что можно было проверить.

— Потому что сегодня в восемнадцать ноль-ноль вы должны голосом настраивать поток, происхождение которого скрыто. Вам нужна возможность отказаться осознанно.

Яра посмотрела на мембрану. За ней по тёмному стеклу ползла тонкая изморозь. Седьмой шов не открывался, но уже отзывался на напряжение сети низкой дрожью.

— Если я откажусь, — сказала она, — шов может разойтись.

— Да.

— Если соглашусь, могу распределять украденный сон.

— Да.

— Вы опять принесли выбор, в котором правильного выхода нет.

— На этот раз не собираюсь выбирать за вас.

Сотрудник безопасности приблизился.

— Передача служебных носителей запрещена.

Тейн положил пластину на пол у линии.

— Это моя расчётная модель.

— Она создана на оборудовании станции.

— Тогда зарегистрируйте изъятие при враче и гранистке.

Тот замедлил шаг. Прозрачность действовала на власть почти как холод: заставляла двигаться осторожнее.

Яра присела, но прежде чем взять пластину, спросила:

— Вы оставили себе копию?

— Три независимые копии у трёх людей.

— У кого?

— Один назовёт себя сам, если захочет. Одна в архивном пакете. Третья перед вами.

Она кивнула и подняла носитель.

Не благодарность. Подтверждение условий.

Сена открыла модель на автономном экране. Яра читала медленно, останавливаясь на каждом интервале. Тейн видел, как большой палец отбивает по краю пластины четыре равных удара. На строке сто восемнадцать ритм сбился.

— Здесь время отбора Нимы, — сказала она.

— Имени в модели нет.

— Мне не нужно имя. Я помню, когда мы сняли зажим.

Она увеличила график. После физической остановки ветви Нимы скрытый вход центрального контура просел. Через одиннадцать минут вырос другой хвост — из девятого сектора.

— Они не просто брали после окончания срока, — сказала Яра. — Они перебрасывали отбор, когда мы закрывали одну ветвь.

— Это гипотеза.

— Разумный ремень на слове?

Тейн не понял выражения, но Сена коротко улыбнулась.

— До физической проверки — да.

Яра вернула взгляд к мембране.

— Шов уже слышит этот поток. В нём меняются голоса, а ритм остаётся одинаковым. Я думала, это след накопителя.

— Можно проверить без содержания сна?

— Если дать мне частоты входов отдельно. Не мелодии. Только начало, конец и фазу.

— Подготовлю.

— При вашем доступе?

— На бумаге, если понадобится.

Она впервые за разговор посмотрела прямо на него. Усталость делала её взгляд темнее, но не мягче.

— Вы всё ещё хотите доказать, что ваша модель спасёт станцию?

Тейн вспомнил стену Совета, две линии и собственное имя под старой методикой. Три года его формула путешествовала по станциям как нейтральный инструмент. Она считала тепло, не спрашивая, кто мёрзнет первым. Теперь кто-то использовал эту слепоту как готовый коридор для решения, принятого заранее.

— Нет, — сказал он. — Я хочу выяснить, что она позволяла не замечать.

Седьмой шов ударил в раму. Иней на мембране сложился в чужое окно, за которым медленно падал тёплый дождь.

Один из сотрудников безопасности сделал шаг к видению.

Яра не запела. Она ударила пальцем по раме: два коротких, один длинный. Запрос границы. Сена ответила тем же. Тейн подхватил, не приближаясь.

Дождь за стеклом остановился.

— Проверка переносится, — сказала Яра. — Пока происхождение потока не станет видимым.

— У вас приказ, — напомнил сотрудник.

— И медицинское право остановить настройку, — сказала Сена. — Я его применяю.

— Станция теряет время.

— Тогда пусть Совет быстрее откроет журналы, — ответила Яра.

Она отключила служебный усилитель. Дрожь в раме усилилась, но общий ритм трёх людей удерживал её в пределах мембраны. Не навсегда. Даже не на смену. Однако достаточно, чтобы отказ не превратился немедленно в катастрофу.

Тейн смотрел на цифру дефицита в углу экрана. Пять целых восемь десятых. Она не лгала и не говорила правду целиком. Не приказывала отбирать сны, не защищала право отказа, не называла того, кому досталось тепло. Все эти решения люди прятали за ней, потому что число не могло возразить.

Он удалил из заголовка модели слово «нейтральная».

И добавил четыре поля: источник, получатель, срок согласия, право остановки.

Только после этого расчёт впервые стал похож не на приговор, а на вопрос.

Глава 7. Комната без эха

До сердца облака оставалось пятнадцать дней.

Комната акустической разгрузки находилась между медицинским блоком и старой обсерваторией. Здесь стены не возвращали звук. Они принимали его слой за слоем — голос, шаг, шорох ткани — и превращали в ничто.

Яра приходила сюда после тяжёлых настроек, когда станция продолжала петь у неё внутри. Сегодня тишина не помогала. Правое ухо ловило тонкий свист, левое — низкую дрожь седьмого шва. Между ними оставалось место для злости.

Сена усадила её на середину серого пола и поставила рядом воду.

— Десять минут без разговоров.

— Ты привела меня в комнату без эха и запрещаешь говорить. Изощённо.

— Я умею быть убедительной.

Сена закрепила датчики под волосами Яры. На браслете побежали две неровные линии.

— Верх справа всё ещё провален. Горло лучше, но это не разрешение петь. И не смотри так, словно запрет — личное оскорбление.

— Он профессиональное оскорбление.

— Тем более полезное.

Дверь мигнула запросом доступа. На панели появилось имя Тейна Ардо.

Яра поднялась слишком быстро. Свист в ухе качнулся, будто тонкая проволока.

— Не впускай.

Сена даже не потянулась к панели.

— Хорошо.

Простое согласие лишило Яру заготовленного спора. Она снова села. За дверью не прозвучало ни стука, ни требования. В этой комнате стук всё равно умер бы в покрытии.

Прошла минута. Затем на панели появилась строка: «Оставлю журналы у Сены. Разговаривать не обязательно».

— Он принёс журналы, — сказала Сена.

— Я умею читать.

— Это медицинское наблюдение или обычная грубость?

Яра закрыла глаза. На внутренней стороне век возник дождь из чужого окна. Тёплые капли стояли в воздухе, пока трое людей отбивали ритм отказа. Ей хотелось верить, что они остановили видение своим выбором. Но где-то под полом продолжал идти поток, собранный из ночей тех, кто уже сказал «нет».

— Впусти, — сказала она. — На пять минут.

Сена не открыла дверь сразу.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому на пять.

— Если захочешь закончить раньше?

— Скажу.

Только тогда Сена коснулась панели.

Тейн вошёл с плоским архивным блоком под мышкой. Остановился у порога, заметил разметку на полу и не сделал второго шага. На нём была та же тёмная рабочая куртка, но без знака мандата. Лицо казалось осунувшимся, словно за ночь он вычел из себя ещё несколько процентов.

— Куда положить? — спросил он.

Сена указала на край стола.

Он положил блок и отступил. Не стал объяснять, что внутри, пока Яра не спросила:

— Всё?

— Сырые журналы распределения за девяносто дней. Копии пакетов до очистки, контрольные суммы, таблица пропусков. Медицинские поля закрыты, содержание снов не извлекалось.

— Вы вчера сказали, что передали необработанные журналы.

— Вчера — технические интервалы. Здесь исходные пакеты распределения. Я получил их из буфера обслуживания до того, как доступ закрыли.

— Получили или украли?

Сена подняла голову от браслета, но не вмешалась.

Тейн ответил после короткой паузы:

— Скопировал в пределах доступа, который действовал на тот момент. Передача вам нарушает приказ Ревы.

— Значит, всё-таки украли. Только у начальницы станции, а не у спящих.

— Если вам нужна формальная формулировка, я готов записать её так.

Его спокойствие раздражало сильнее оправданий.

— Вы всегда это делаете?

— Что?

— Раскладываете вину по полям, пока она не начинает выглядеть как аккуратный отчёт.

Он посмотрел на архивный блок.

— Иногда.

— Удобно.

— Нет.

— Вам — удобно. Вы приехали отключать наши сектора. Вы составили модель, которой Совет прикрывает отбор. Теперь нашли лишний вход, добавили четыре нравственных столбца и стоите здесь как человек, который вовремя перешёл на правильную сторону.

Тейн сжал пальцы, но остался у двери.

— Я не говорил, что нахожусь на правильной стороне.

— Тогда на какой?

— На той, где обязан показать вам данные.

— Обязаны? — Яра услышала, как собственный голос поднялся выше безопасной линии. — Снова обязанность. Ваш мандат обязан спасти станцию, ваша модель обязана считать дефицит, вы обязаны принести мне выбор. А потом я обязана открыть контур и голосом распределить то, что вы не сумели посчитать честно.

Браслет Сены коротко пискнул.

— Яра, ниже.

Она сделала вдох. В безэховой комнате он исчез, не успев стать звуком.

— Я не прошу вас открывать контур, — сказал Тейн.

— Но оставляете решение мне. Если я пою — я соучастница. Если не пою — люди мёрзнут. Вы называете это правом выбора, потому что не вам терять голос.

Теперь он отвёл взгляд. Яра ждала возражения: что он рисковал карьерой, что его отстранили, что дефицит существовал независимо от него. Всё это было правдой и всё это сейчас прозвучало бы как торговля заслугами.

— Да, — сказал он.

Одно слово ударило сильнее спора.

— Что — да?

— Не мне терять голос. И передача решения не делает его справедливым.

— Тогда зачем вы здесь?

— Принести журналы.

— И получить прощение?

- Нет.
- Доверие?
- Нет.
- Что тогда?
- Ничего.

Тишина проглотила последнее слово. В обычной комнате оно хотя бы вернулось бы от стены. Здесь осталось только лицо Тейна — усталое и упрямое — и архивный блок между ними.

Яра почувствовала себя обманутой отсутствием просьбы. Если бы он потребовал доверия, его можно было бы выгнать. Если бы начал оправдываться, каждую фразу можно было разрезать фактом. Но он стоял и ничего не перекладывал ей в руки, кроме данных.

- Вы знали о четвёртой линии раньше, — сказала она.
- О линии — с вечера прибытия. Не о том, что она действует.
- И молчали.
- До вчерашнего Совета.
- Передо мной молчали.
- Да.
- Почему?
- Хотел сначала получить доказательство.

— Нет. — Яра встала. — Вы хотели владеть доказательством. Хотели прийти с готовым ответом, чтобы никто не мог спорить с инженером.

- На этот раз он не согласился сразу.
- Возможно.
- Уберите это слово.
- Я привык не утверждать то, что не могу проверить.
- Себя вы тоже проверяете приборами?

Тейн встретил её взгляд.
— Нет. Поэтому ошибаюсь чаще, чем пишу в отчётах.

Сена шагнула между ними не телом, а голосом:
— Осталась минута из пяти.

Яра хотела сказать, что минуты принадлежат ей. И поняла, что именно это Сена и напонила.

- Мне нужно знать, создавали ли вы эту систему, — сказала она.
- Тейн замер.
- Какую именно?

— Ту, где внешнее кольцо отключают первым. Каст назвал вас автором модели. Не расчёта для Морены — модели.

На его лице появилась та неподвижность, которую Яра знала по себе: так человек удерживает дверь, за которой слишком много воздуха.

— Три года назад я разработал метод приоритетного распределения для станций с дефицитом, — сказал он. — Он должен был считать техническую восстанавливаемость сектора: насколько быстро можно вернуть тепло, сколько людей успеют эвакуировать, какие узлы нельзя перезапустить. В рабочей версии были ограничения по здоровью и времени отключения.

- А право отказа?
- Сны тогда не входили в расчёт.
- Люди входили?
- Как нагрузка и риск потерь.
- Не как те, кто решает.
- Нет.

Яра почувствовала во рту железный вкус. Не кровь — память о слишком высокой ноте.
— Выйдите.

Он не договорил начатую фразу. Не спросил, когда вернуться. Не забрал архивный блок.
— Хорошо.

Тейн открыл дверь.

— Подождите, — сказала Яра.

Он остановился, всё ещё спиной к ней.

Ей хотелось задать последний вопрос и одновременно сохранить право никогда не слышать ответ.

— Ваша модель выбирала внешние кольца потому, что их легче восстановить?

— В исходной версии — да. В редакции Совета Морены коэффициент восстановления заменён коэффициентом производственной ценности. Я увидел это только здесь.

— Но название и ваше имя остались.

— Да.

— И вы ни разу не проверили, что с ней сделали.

— Ни разу.

— Выйдите.

Дверь закрылась за ним без звука.

*

Сена не утешала её. Сняла датчики, поставила таймер на семь минут и села у стены.

Яра ходила по комнате. Каждый шаг исчезал, и от этого казалось, будто тело тоже можно стереть, если никто не вернёт ему отклика.

— Я была несправедлива? — спросила она.

— Ты хочешь медицинский ответ?

— Хочу твой.

— Ты была зла на человека, чья работа помогла сделать несправедливость удобной. Он не остановил её заранее. Это факт. Ещё факт: он принёс данные, которыми можно доказать подмену. Одно не отменяет другое.

— Ненавижу, когда ты оставляешь обе вещи на столе.

— Поэтому ты со мной дружишь.

Яра подошла к архивному блоку. На корпусе была бумажная пломба с подписью Тейна, временем копирования и перечнем удалённых полей. Ни просьбы сохранить его имя в тайне, ни условия, ни срока возврата.

— Он мог подменить пакеты.

— Мог.

— Контрольные суммы могут быть его же.

— Поэтому нам нужны независимые копии.

— Он сказал, что оставил три.

— Тогда проверим одну об другую, не веря ему на слово.

Яра включила блок. Система запросила, согласна ли она открыть технические журналы без содержания снов. Под вопросом стояло: «Отказ не повлияет на доступ других свидетелей».

Даже устройство не требовало от неё стать единственным хранителем.

Она выбрала «нет».

— Сейчас не буду.

— Хорошо, — сказала Сена.

Таймер погас. Семь минут закончились.

У двери лежал второй носитель, маленький и дешёвый, каких на Морене давно не выпускали. Тейн, видимо, оставил его снаружи после разговора. На экране была одна строка: «Порядок чтения сырых пакетов. Не требует связи и моего присутствия».

Яра почувствовала новый прилив раздражения.

— Он предусмотрел, что я его выгоню.

— Похоже на то.

— Самоуверенный.

— Или внимательный.

— Не помогай ему.

— Я помогаю тебе различать.

Яра присела у порога. За дверью начинался коридор, где любой звук имел последствия. На станции голос открывал контуры, подтверждал полномочия, вызывал помощь. Её голос ещё и удерживал границы. Поэтому окружающие привыкли считать каждое её слово доступным общим ресурсом.

Она сама привыкла.

Тейн впервые пришёл и не попросил ни ответа, ни песни, ни даже прочесть принесённое. Но это не делало его безопасным. Безопасность вообще не была качеством человека, которое можно однажды измерить. Она складывалась из ограничений, возможности проверить и права закрыть дверь.

— Сена, пригласи Ниму и Эви. Отдельно. Скажи, что у нас есть журналы, но не называй источник, пока он сам не разрешит.

— Он подписал пломбу.

— Подпись на носителе — согласие быть указанным в цепочке хранения, не согласие на публичный рассказ. Сначала спросим.

— А Лио?

— Пусть найдёт автономный считыватель. Такой, который не отправляет Совету уведомление об открытии.

Сена кивнула и вышла.

Яра осталась одна. Комната не возвращала её дыхание, но тело всё равно дышало. Отсутствие эха не означало отсутствия голоса. Только то, что ответ не был гарантирован.

Она открыла канал Тейна и набрала сообщение.

«Журналы остаются у независимой группы до проверки. Ваше присутствие не требуется».

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Принято».

Яра добавила:

«Не приходите ко мне без запроса».

На этот раз пауза была длиннее.

«Не приду».

Ни объяснения, ни попытки выторговать исключение для аварии. Яра сама уточнила:

«Если непосредственная угроза жизни — через Сену или аварийный канал».

«Понял».

Она закрыла связь.

*

Через час в комнате собрались пятеро: Яра, Сена, Нима, Эви и Лио. Архивный блок лежал в прозрачном медицинском контейнере. Тейн прислал письменное согласие раскрыть источник копии и журнал своих действий. Больше сообщений от него не было.

Лио подключил автономный считыватель и сверил контрольные суммы с пакетом, который получил ещё во время ремонта двенадцатого сектора. Совпали двадцать семь случайно выбранных интервалов. Нима указала время окончания своего согласия; исходный журнал содержал правильную отметку. В очищенной таблице Совета она была сдвинута на двадцать три часа.

— Значит, исходный прибор не лгал, — сказала Эви.

— Лгала таблица после обработки, — ответил Лио.

Яра смотрела на две строки. В одной Нима была человеком, сказавшим «хватит». В другой — продолжавшейся подачей.

— Можно увидеть, куда ушёл хвост? — спросила Нима.

— Только направление и мощность, — сказал Лио. — Не содержание сна.

— Покажи.

Линия прошла по сервисной дуге и влилась в четвёртый вход центрального контура. Затем разделилась: медицинский блок центра, административная башня, резерв Совета.

Эви выдохнула сквозь зубы.

— Пока у нас замерзали стены.

— Не делайте вывод по одному интервалу, — сказала Нима.

Все посмотрели на неё.

— Что? — Она поправила одеяло на плечах. — Если они прятались за цифрами, мы не будем прятаться за яростью. Проверим остальные.

Яра улыбнулась впервые за день.

Они выбрали ещё двенадцать свидетельств с явным разрешением владельцев на сверку. В десяти случаях хвосты входили в ту же линию. Два оборвались раньше, чем показывала таблица Совета: система приписала людям вклад, которого они уже физически не отдавали. Значит, подмена служила не только для кражи. Она скрывала саму форму баланса — одновременно завышала жертвенность внешних колец и рисовала невозможную эффективность центра.

— Нам нужна карта всех переходов пакета, — сказал Лио. — Кто подписывал очистку, кто менял сроки, кто собирал итоговую таблицу.

— Это уже есть в журналах? — спросила Эви.

Яра нашла каталог служебных подписей. Часть записей была цела. Между исходным пакетом и отчётом Совета повторялся один автоматический ключ: «МЕРА-АРДО/адаптация М-4».

Комната будто стала холоднее.

— Его модель, — сказала Эви.

— Название его модели, — поправила Нима. — Мы ещё не знаем, кто изменил правила.

Яра приблизила сведения о версии. Исходный автор: Тейн Ардо. Адаптация для Морены: служба распределения, утверждение — Каст Вар. Поле «восстанавливаемость» было переименовано в «ценность». Ограничение непрерывного отключения удалено. Возможность ручного приоритета центра добавлена отдельным модулем.

Под старым кодом оставалось имя человека, который не проверил, во что превратилась его работа.

Яра не простила его. Но впервые увидела точный размер его вины — не больше и не меньше. Он создал слепой инструмент. Другие научили его выбирать удобных людей. А потом он три года не спрашивал, куда направлено лезвие.

— Сохраняем обе версии, — сказала она. — Исходную и моренскую. Ничего не переименовываем. Пусть различие видно.

— А журналы? — спросила Эви.

— Разделим. У каждого владельца свидетельства будет свой интервал. Общая группа получит обезличенную карту потоков. Полный архив — у трёх хранителей, и ни один не сможет открыть его один.

— У кого?

Яра посмотрела на Ниму.

— У врача сна. У представителя внешнего кольца. И у технического свидетеля, которого выберут не Тейн и не Совет.

Лио поднял руки.

— Тогда не я. Меня уже считают его сообщником.

— Тебя выберут или не выберут люди, — сказала Нима. — Не спасай их от решения.

Яра записала правило в начало карты: «Источник данных не получает права распоряжаться выводами».

Потом добавила второе: «Признанная ошибка не исчезает, но открывает возможность проверки».

Седьмой шов отозвался далёкой низкой дрожью. Яра почувствовала её через подошвы. Станция приближалась к сердцу облака, и времени становилось меньше. Но впервые у них были не обработанные Советом цифры и не один голос против них, а след, который могли проверить многие.

На выходе Яра увидела Тейна в конце коридора. Он шёл к сервисному лифту и не заметил её. Или заметил и выполнил просьбу не подходить.

Она не окликнула.

Граница между ними осталась закрытой.

И именно поэтому перестала казаться стеной навсегда.

Глава 8. Карта чужой ночи

Карта не помещалась на стене.

К утру Эви принесла из пустующего класса три рулона упаковочной ткани и прикрепила их к переборке медицинскими зажимами. Лио вывел на ткань сеть Морены: кольца, сервисные дуги, тепловые ветви и тонкие серые линии пограничных швов. Сена добавила интервалы сна — не имена, не образы, а только время начала, время заявленного окончания и момент, когда тело действительно переставало отдавать тепло.

Яра стояла перед полотном и впервые видела чужие ночи вместе.

Они не были похожи на цифры Совета. Цифры укладывались в столбцы и притворялись спокойными. Здесь каждая лишняя минута тянулась янтарной нитью от жилого отсека к старой сервисной дуге. Короткие законные вклады заканчивались у общего распределителя. Незаконные хвосты проходили дальше, собирались в четвёртой линии и исчезали под центральной башней.

Пятьдесят две нити.

Столько свидетельств пока выдержали сверку с сырыми журналами. У трёх не совпало время домашнего датчика. Два человека отозвали разрешение до обработки, и их интервалы удалили. Один пакет оказался повреждён. Яра настояла, чтобы пробелы остались пробелами.

— Если дорисуем то, чего не знаем, получим ещё одну таблицу Совета, — сказала она.

Эви, державшая маркер, кивнула и обвела пустые места белым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.